

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

20 августа 2014 г.

№ 91

Некоторые доклады Летней школы-2014

3 РАСКАЗ
ОПОЛЧЕНЦА

4 ПОМОЩЬ
СРАЖАЮЩЕМУСЯ
ДОНБАССУ

6 «СТРИМ» В ОДЕССЕ

7 БУДУЩЕЕ
ГЛАЗАМИ ЮНОСТИ

7 В БОРЬБЕ ЗА КРЫМ

10 КОНЦЕРТЫ В КРЫМУ

12 ПЕРМАНЕНТНАЯ
ВОЙНА

14 КРАСНОЗНАМЕННАЯ
ГРУППА

16 НАША КУЛЬТУРНАЯ
ПОЛИТИКА

«Суть времени» не «слилась» в результате антистрелковской кампании, а сформировалась до конца. И это признают все враги. Летняя школа-2014 была лучшей из наших школ — самой взрослой, самой развернутой, самой консолидированной

И снова — против течения

Вернувшись из ДНР, я сразу же оказался на Летней школе. Эта школа проходила под завывания блогеров о том, что «Суть времени», наконец-то, сольется, благодаря моим «чудовищным антистрелковским действиям» в ДНР. Вакханалия творилась невероятная. Такой не было ни после Поклонной горы, ни после Колонного зала.

Проще всего сказать, что вопли о том, что теперь-то «Суть времени» рухнет, распадется, исторгались только людьми продажными. Заводилами, конечно, были исключительно продажные блогеры. Но им подпевали, причем вполне активно, люди не продажные, а просто слабые. Не способные плыть против течения так называемого общественного мнения.

Я плыл против этого течения не раз: и тогда, когда общественное мнение было за Ельцина, и тогда, когда общественное мнение было за Лебеда. И мне было важно уловить, в какой мере этой способностью — плыть против течения — обладают люди, намного меня моложе по возрасту. Люди, не обладающие моим политическим опытом и закалкой. Люди, сформировавшиеся в эпоху, источающую особые психологические вирусы, призванные истребить всё, что порождает в человеке способность плыть против любого течения.

Порождает же эту способность, на мой взгляд, прежде всего метафизика. Как религиозная, так и светская. Потому что она и только она содержит в себе нечто абсолютное. Она и только она является, образно говоря, палатой мер и весов. И совершенно непонятно, как без нее сохранять способность к различению добра и зла, блага и погуби, прекрасного и безобразного, чести и низости... И так далее.

Весь первый день Летней школы у меня в ушах навязчиво звучала фраза из великой трагедии Шиллера «Дон Карлос, инфант Испанский»:

*«Иль меж добром и злом,
Меж правдою и ложью стерлись грани?» —
спрашивал Великий инквизитор короля
Филиппа.*

«И что же? Разве эти грани не стерлись?» — спрашивал я себя.

Стрелков сбежал из Славянска без всяких причин, дав перед этим клятву держаться до последнего. Он сдал бандеровцам не только Славянск. Он сдал половину — понимаете, половину! — той территории Донецкой области, которую контролировали ополченцы. И что же, теперь надо будет мучительно доказывать людям, что Стрелков не прав? А почему им надо это доказывать? Это ведь очевидно каждому, кто посмотрит на карту.

Те, кто меня успокаивал, ссылались на то, что Стрелков стал героем для определенного, причем немалого числа так называемых патриотов.

Но настоящий герой — это человек, совершающий великое деяние, подвиг. Уйдя из Славянска, Стрелков обнулил всё, что можно было с огромной натяжкой считать хоть каким-то подвигом. Для того чтобы орать во всю глотку, что Стрелков прорвался из окружения, спас своим отступлением ДНР, нужно быть либо ослом, либо провокатором. Постоянные ссылки на отступление Кутузова, заманившего Наполеона, или отступление 1941 года, породившее крах Гитлера, рассчитаны на людей, слишком неумных и неграмотных. Потому что Кутузов растягивал коммуникации наполеоновской армии, организовывал партизанское движение, окончательно разрушающее эти растянутые коммуникации.

Что же касается отступления советских войск, то с первого дня войны и вплоть до битвы под Москвой наши войска цеплялись за каждый населенный пункт, за каждый бугорок родной земли. Они нанесли противнику неприемлемый ущерб уже в первые месяцы войны. К осени гитлеровский план «Барбаросса» был полностью сорван. Да, первая Красная Армия фактически была уничтожена в этих оборонительных боях с гитлеровскими полчищами. Но она знала, что жертвует собой для того, чтобы страна сумела сформировать вторую Красную Армию. А еще она знала, что, уничтожая живую силу и технику противника, она

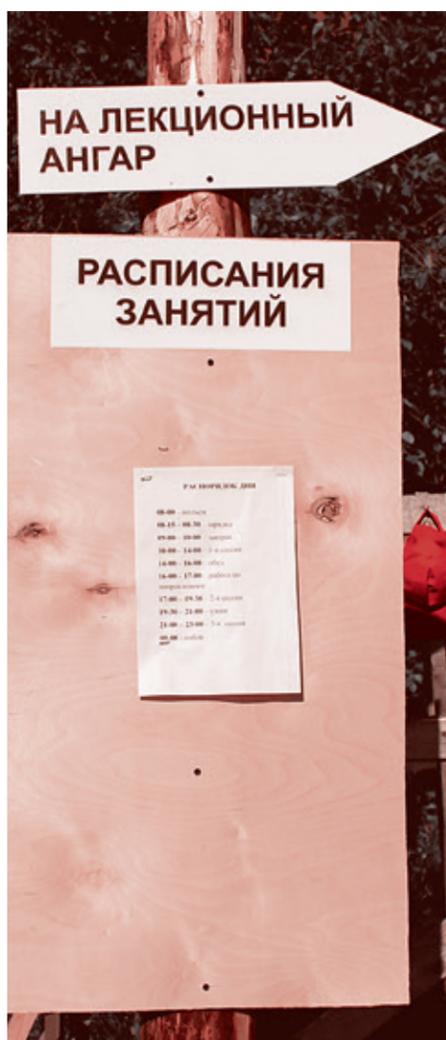
обескровливает его и не дает ему добраться до сердца Родины раньше, чем сформируется вторая армия.

Какое это имеет отношение к стрелковскому свалу из-под Славянска? И откуда вообще эта бесконечная любовь к параллелям между настоящим героизмом предков и делами мелкими и недостойными? Как поворачивается язык проводить такие параллели? Как устроено сознание того, кто их осмеливается проводить? Насколько должны быть стерты грани не только между добром и злом, правдою и ложью, но даже между великим и ничтожным? И остаются ли в таком сознании хоть какие-то грани?

Первым течением, против которого мне пришлось пойти четверть века назад, была так называемая перестройка. Да, во время передач «Суд времени» и «Исторический процесс» на моей стороне было большинство. Но таков был результат 2011–2012 годов. А в 1987-м, когда я говорил всё то же самое, меня проклинали ничуть не менее 85%. Циники и карьеристы вопили тогда во всю глотку, что я погубил свою репутацию, «слил» свою организацию, «слился» сам и так далее. Что ж, это хорошо, что оценки прошлого сменились. Но сменилось ли сознание тех, кто дает подобные оценки?

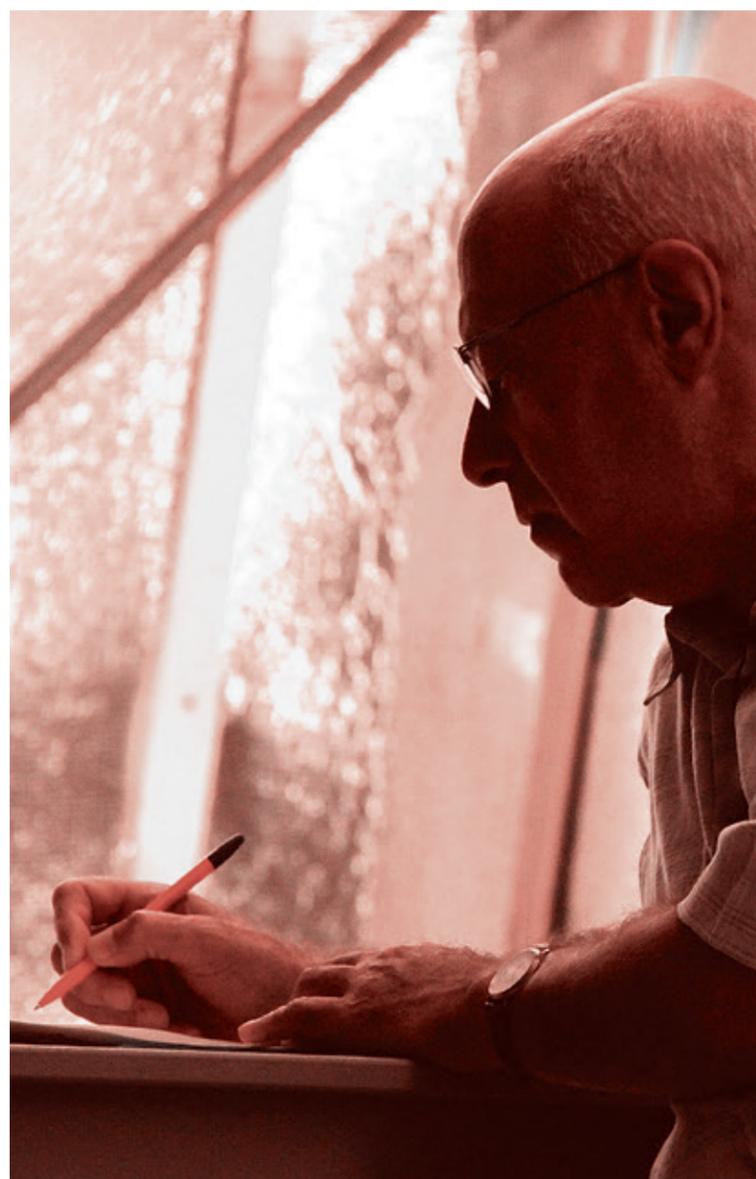
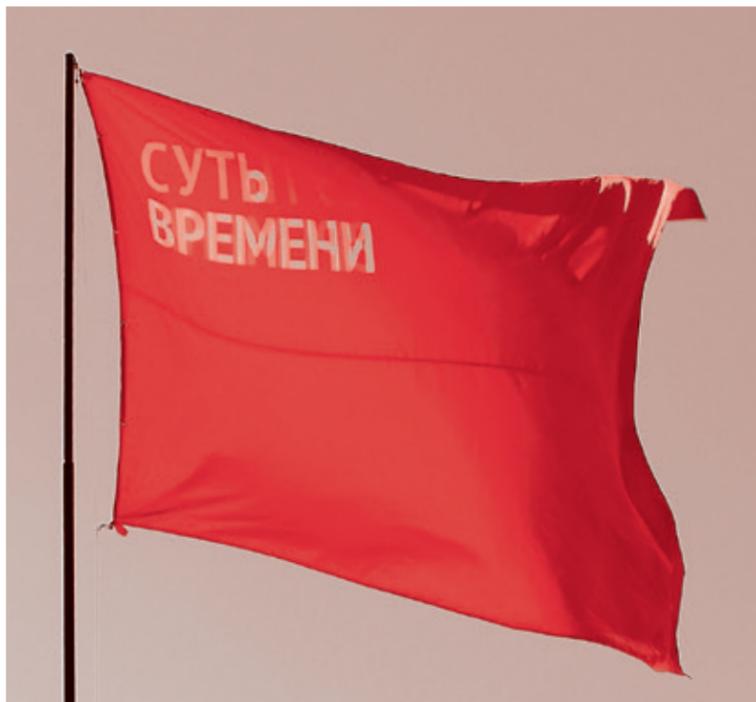
Ведь то, какие оценки они давали своему прошлому 25 лет назад, предполагало метафизическое падение. Ибо представляло собою хулу предков, разрыв с Эгрегором, где предки обитают, осквернение пролитой ими крови и так далее. Метафизическое падение уничтожало центр в человеческом сознании и сверхсознании, указующий человеку на то, каковы грани, которые нельзя переходить. Без этого центра проведение граней невозможно. А если граней между добром и злом, героем и предателем не существует, то как спасать людей, лишенных способности проводить эти грани и формировать свою оценку, исходя из их наличия?

Окончание — на стр. 2

НАША ВОЙНА

Окончание — со стр. 1

Да и как вообще они тогда формируют оценку? На что они тогда ориентируются? На «хлад ума»? (Помните, у Блока в «Возмездии»:

*Пусть же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.)*

Но, во-первых, должна быть грань между святым и грешным. Иначе ни то, ни другое не может пройти ни сквозь жар души, ни сквозь хлад ума. Во-вторых, нужен жар души, без коего хлад ума ничего не значит. И, в-третьих... В-третьих, где он, хлад ума? Ведь наличие одного предполагает способность к логическому подходу, основанному на принципе «исключенно-го третьего». Оно же — «либо-либо». Ну, например, либо Стрелков героичен потому, что он — враг «чудовищного Путина». Либо он героичен потому, что он ближайший

сподвижник «замечательного Владимира Владимировича». Но куда там!

Общественный регресс, порожденный метафизическим падением, бросил общество в глубинную архаику, ту самую, в рамках которой доминирует дологическое или внелогическое начало. Архаическое мышление, сохранившееся у современного человека в том его бессознательном, которое один из крупнейших философов и психоаналитиков XX века Карл Густав Юнг именовал «коллективным», совершенно не способно функционировать с позиции «либо-либо». Стрелков — и враг «чудовищного Путина», и друг «замечательного Владимира Владимировича». Почему, собственно, одно исключает другое?

Подлецы сводят людей с ума. Люди, потерявшие метафизику и ту способность к различению, которая без нее невозможна, внимают подлецам с тем же доверием,

как и 25 лет назад. А если это так и если это носит преобладающий характер, то как спасти Град обреченный и почему его надо спасать, если обреченным он является по собственной воле? Да-да, в каком-то смысле, именно по собственной воле.

Я открывал Летнюю школу, а внутри у меня бурлили именно эти мысли и чувства. «Сейчас еще и «сутевцы» начнут сетовать: «Ну, зачем Вы против Стрелкова выступили?» — думал я. Но ничего подобного не случилось. «Суть времени» не слепо поддержала мою антистрелковскую позицию, а привнесла в процесс свою яростную и именно метафизическую антистрелковость. А также способность к осмысленной, сосредоточенной борьбе с тем началом, олицетворяемом в какой-то мере этим самым Стрелковым, которое восхвалялось подлецами и пошедшими у них на поводу слабаками.

«Суть времени» не «слилась» в результате своей антистрелковской кампании, а сформировалась до конца. И это признают все враги.

Летняя школа была лучшей из наших школ — самой взрослой, самой развернутой, самой консолидированной. И в этом можно убедиться, прочитав тексты выступлений участников школы. Но есть нечто еще более важное. Эта Летняя школа была самой настоящей, самой подлинной. И это говорит о том, что нам по плечу очень и очень многое. И что мы имеем право сказать себе и другим:

«До встречи в СССР!»

Сергей Кургинян

НАША ВОЙНА

Рассказ ополченца

Восенне-зимний период крымская «Суть времени» проводила три акции каждую неделю. А в весенне-летний период — шесть акций. Всё зависит от числа людей и от их желания, от накаленности.

При этом мы не забывали о смыслах: еженедельно проводились учебные занятия по газете «Суть времени» и по наиболее актуальным темам из библиотеки рекомендованной «сутьвцам» литературы, которая выложена в торренты. Эта библиотека была скачана всеми активистами, и определенные книги были обязательны к изучению. Но это всё было в прошлом году.

В этом году политическая ситуация на Украине резко изменилась. На Украину пришел фашизм, и частота личных встреч членов «Сути времени», естественно, увеличилась. Проводили встречи как в рамках ополчения (24 февраля 2014 года вся ячейка целиком вошла в Крымское ополчение), так и встречи с народом.

Проанализировав политические силы, действующие в Крыму, мы пришли к выводу, что идти на союз с кем бы то ни было просто невозможно. Поэтому мы пошли другим путем.

У нас есть чудесный проект «Шаги истории». С первого выпуска мы им занялись и вошли в школы Симферополя. Учтивая, что в Симферополе десять активистов, мы взяли с этого года проводить уроки мужества и патриотизма в городе Симферополе.

Что это нам дает? К кому мы обращаемся?

Первое — это дети. То есть, мы принимаем участие в воспитании детей. Мы именно воспитываем, в отличие от других. Почему? Потому что школы сегодня, сейчас, являются неким офисом по предоставлению информации, неким предостережением некоторых навыков. Но не местом воспитания. Это мы сегодня, сейчас воспитываем школьников в Симферополе.

Второе — через общение с педагогическими коллективами, учителям школ мы даруем смыслы. Вдумайтесь в это. Мы становимся для них теми людьми, которые даруют им вообще смысл существования. Жизнь учителя в школе сегодня, сейчас — без смысла. Она ужасна.

Третье — через учеников мы выходим на родителей. То есть через уроки мужества и патриотизма мы делаем величайшее дело. Ведь можно до бесконечности говорить о борьбе с фашизмом, но идти и бороться с фашизмом — это другое.

16 марта прошел референдум [о присоединении Крыма к России]. Победа была за нами. Отлично! С этой радостной, благой вестью мы снова вернулись в школы. Работали со всеми детками — от 6-го до 11-го класса. Охватили этот контингент. Но главное, что мы вошли с какой-то идеей в самые широкие массы. Мы дали самым широким массам веру, надежду и любовь.

И детям, которых можно лепить, как пластилин, мы принесли идеалы, которые могли стать их собственными. У них появились какие-то идеалы. Я вспоминаю шестиклассников, которые ходили за мной хороводом, хвостом: «Как нам поступить в Суворовское училище, в Нахимовское училище?». Это же великое дело!

Мы дарили детям надежду, надежду на Великую Россию. Россия оправдала эти надежды и включила мою малую Родину Крым в состав Российской Федерации.

Главное, что мы дали детям, — понятие о любви. Вдумайтесь, любви к своей малой Родине, любви к народу, любви к своей истории.

Главное, что мы занялись нужным и полезным делом. Это также сплавляет ячейку, сплачивает актив, дает ему смысл существования, разогревает изнутри. Но снова — нельзя до бесконечности говорить о борьбе с фашизмом и ничего не делать. Ну так иди в ополчение [здесь — ополчение ДНР и ЛНР] и борись.

Несмотря на мой скромный вид (пускай он вас не смущает), имею двадцать два года выслуги. Я очень много чего умею.

Правда в том, что в ополчение должны идти люди, которые что-то умеют. Ничего не умеющие становятся обузой для тех, кто умеет. А времени на обучение просто нет. Тем, кто, ничего не умея, собирается в ополчение, хочу сказать: «Вдумайтесь, а сможете ли вы убить человека?» Это очень простой вопрос, но на него очень непросто ответить. Поэтому не нужно обременять тех, кто уже что-то умеет, только ради того, чтобы испытать самих себя. Потому что может стать мучительно больно от трусости собственной. От... я не знаю... немочи. Просто немочи. Поэтому рисковать тому, кто к этому не готов, не нужно. И я не призываю вас идти в ополчение.

Теперь о театре военных действий. Там действуют сегодня фактически четыре силы.

Главные антагонисты — это борющиеся друг с другом фашисты и антифашисты. Назовем их «первой» и «второй» силой.

Далее, сегодняшняя фашистская власть на Украине совершила страшное преступление. Из мест лишения свободы, расположенных в Донбассе, освобождены уголовники. Чудовищные банды по 200–300 рыл терроризируют население. Какого-либо влияния на оперативную ситуацию на фронте они не оказывают. Но это террор против населения Донбасса. И это — «третья» сила.

Ну и «четвертая» сила — это те, о ком без конца говорят по телевизору, все эти Таруты, Ахметовы и прочие местные олигархи. Они хвастаются о мобилизации каких-то своих собственных дружин. Я их не видел, но это как в анекдоте про суслика в поле: он там есть, он прыгает, мы его не видим, но он там есть.

Вот эти четыре силы.

Итак, фашисты как таковые — это образное название первой силы. На самом деле, она состоит из воинской массы и так называемых правосеков, которые взяли на себя функцию заградительных отрядов.

Наша полевая разведка неоднократно выявляла случаи боестолкновений между украинскими армейцами и «правосеками». То есть, между ними тоже идет внутренняя война. И это факт.

Далее, о самих этих военнослужащих, армейцах. Это люди, которых силой призвали в армию. Они не просто не хотят воевать — они не умеют воевать.

Когда в июне месяце мы, специалисты, зашли в Краснодон, оперативная ситуация на фронте резко изменилась. Мы фактически перемололи тогда треть этой группировки, то есть из полутора тысяч «правосеков» вывели из строя человек пятьсот, а также массу техники. Из них часть — невозвратные потери. К сожалению, это так. Но это война. Я понимаю, что я убивал русских, украинцев,

я не знаю еще кого, белорусов. Но если не мы их убьем, они убьют нас.

О нашей эффективности: среди специалистов у нас был всего один убитый и десять раненых.

В подтверждение моего тезиса о том, что неподготовленным людям на этой войне места нет, скажу, что все потери на украинской стороне — это молодые люди. То есть знающие, грамотные, опытные люди... не знаю... они как будто в бронезилете шестой категории прочности. Естественно, мы все воевали без бронезилетов, мы отдали бронезилеты неопытным ополченцам. А самих ополченцев необстрелянных из боестолкновений старались выводить. Потому что проку с них — ровно ноль.

Да, об ополченцах. Это чудесные люди, замечательные, это лучшие люди, которых я видел. Идеалисты, чистейшие люди. Но у них есть отрицательное качество, перечеркивающее все их достоинства: они не умеют ничего. Абсолютно. Поэтому они являются и обузой, и ведут к ненужным потерям.

Далее, иногда в боестолкновении у них свойство — бросить оружие, развернуться и бежать. Это является, во-первых, деморализующим фактором, во-вторых, они становятся живыми мишенями.

Я рассказал вкратце про одну силу — про тех, кто воюет против нас. А теперь расскажу про другую силу.

Итак, крошечный Краснодон. 40 тысяч населения.

Изначально на борьбу поднялись местные, назовем их «коммерческие», кланы. Естественно, их следовало бы называть коммерческо-уголовные кланы, но я последние восемь лет служил старшим оперуполномоченным, я разбираюсь. Эти уголовники — не какие-то душегубы, от которых трупами смердит. Обычные такие вот донецкие пацаны.

Люди за ними пошли, люди им поварили, они стали точками кристаллизации, вокруг которых складывались роты ополчения.

В Краснодоне — четыре роты ополчения. До нашего прибытия эти четыре роты, эти четыре сотни человек не общались друг с другом — вдумайтесь!

То есть город поделен на четыре сектора изначально, вероятно, с 1991 года. И с 1991 года эти четыре группы имели между собой непреодолимые противоречия.

С нашим появлением, во-первых, ситуация резко изменилась.

Во-вторых, мы принесли оружие ополченцам, которые сражались охотничьими ружьями. Вы понимаете? — против регулярной армии сражались охотничьими ружьями бесконечно отважные люди, которые не умели ничего.

В-третьих, у лидеров этих кланов появилась необходимость совместной деятельности. Наши подразделения делили своих людей и оружие между этими кланами поровну, чтоб ни один из кланов сильнее не стал. И поэтому лидеры кланов вынуждены были идти за стол переговоров. Это великое дело.

Мало того, среди наших бойцов были люди с большим педагогическим даром, видимо, внутренним, они учили и учат ополченцев элементарным навыкам владения оружием: как обслуживать своего нового друга, как из него стрелять, учили навыкам поведения в бою. Но, повторюсь, мы их из прямых боестолкновений старались выводить, потому что они еще не готовы.

Так вот складывается ситуация сегодня, сейчас в Краснодоне.

Далее — мое видение решения проблемы.

Первое. Руководство Луганской Народной Республики должно высказаться на идеологическую тему. В эту войну должно быть внесено хоть какое-то идеологическое начало. Допустим, ополченцы, все, как один (я не преувеличиваю), дерутся «за Советский Союз». И если спросить ополченцев, за что они дерутся, они бы все отвечали: за Советский Союз. Взять хотя бы этот идеологический посыл.

Второе. Исходя из идеологии, построить хоть какую-то внутреннюю и внешнюю политику.

Третье. Только после того, как появится хоть какая-то внутренняя и внешняя политика в Луганске, только после этого, возможна мобилизация масс. Для мобилизации масс (а я об этом с полевыми командирами разговаривал) необходимо изменить информационную политику.

Я встречался со всеми четырьмя лидерами Краснодона, разговаривал. Я им объяснял, что сегодня, сейчас в Краснодоне информационная политика неправильная. Нужно говорить не о потерях, нужно говорить о победах. Занять какой-то хутор, отбить какое-то шахтоуправление — и трубить об этом, как о явлении вселенского масштаба. Для чего? К победителям потянутся люди. Сегодня, сейчас, я повторюсь, ополченцев 400 человек на 40-тысячный Краснодон. Это один процент. То есть все пассионарии, как один, в Краснодоне поднялись. Но пассионариев мало. Это, повторюсь, один процент. Для того, чтобы в ополчение пошли добровольцы, необходимо трубить о победах.

Следующий немаловажный момент. Как только начнут отбивать вот эти крошечные села, хутора, необходимо создавать комиссии. Повторюсь, мы выбили треть «правосеков», но что там [в украинской армии] сейчас творится! Убитых [военнослужащих украинской армии и «правосеков»] штабелями складывают в траншеи и засыпают. Причина: в марте этого года принят закон Украины о социальном обеспечении военнослужащих. По этому закону семье каждого убитого в ходе боевых действий полагается 500 прожиточных минимумов. Прожиточный минимум составляет 1177 гривен. То есть на каждого убитого необходимо внести в семью более полумиллиона гривен.

Чтобы не платить этих денег, все убитые записываются как дезертиры, как погибшие вследствие пьянки, наркомании и так далее, как погибшие при невыясненных обстоятельствах. Нужны комиссии (как комиссии по Великой Отечественной войне), которые будут раскапывать эти чудовищные братские могилы. Всё это необходимо показывать не только мировой общественности, но и транслировать на Украину, чтобы народ Украины увидел, что сегодня, сейчас происходит на Донбассе.

Вот то, что я видел и решил вам рассказать, это мое видение, видение рядового ополченца.

Виктор Митрофанов,
Симферополь

НАША ВОЙНА

Гуманитарная помощь доставлена в Снежное

Помощь сражающемуся Донбассу

В конце февраля, когда стало ясно, что ситуация на Украине перешла в новую фазу, мы начали устанавливать контакты с нашими товарищами в Донецкой области. В первую очередь с координатором «Суть времени» в Мариуполе и с координатором «Суть времени» в Донецке. Они приезжали к нам в Таганрог, в Ростов-на-Дону, мы с ними общались, выясняли ситуацию у них на местах.

В начале марта мы провели ревизию собственных возможностей. Мы собрали всех, кто записался на сайте «В огне брода нет», членов ВКСВ, всю «Суть времени» Юга и проговорили все направления работы в связи с ситуацией на Украине, а также вопросы нашего взаимодействия. Мы выделили четыре основных направления:

Первое направление — помощь с транспортом: вывоз беженцев, доставка грузов и другие транспортные вопросы.

Второе направление — помощь с жильем (хотя в марте для жителей Донецкой области еще не было очевидно, что кому-то из них придется уехать, потому что никто не думал, что дойдет до того, что «Градами» будут населенные пункты бомбить).

Третье направление — юридическая помощь беженцам: получение статуса беженца, устройство на работу и т.д.

Четвертое направление — собственно гуманитарная помощь. Тогда, в начале марта, ополченческих формирований, которым нужно было бы помогать, еще фактически не было. Беженцев прибыло за месяц всего несколько десятков человек. Так что гуманитарное направление в то время еще не находилось на первом плане.

Всё начало развиваться более активно в апреле, когда 7 числа захватили в Донецке администрацию, и в этом участвовал координатор «Суть времени» в Донецке Игорь Юдин. Он сразу же, с первого дня, был с теми, кто захватил это здание, он стал

депутатом Народного совета Донецкой Народной Республики, которая существовала до референдума. А когда 12 мая был образован уже Верховный Совет, он в нем тоже остался. Далее они активно участвовали в проведении и организации референдума: и по участкам работали, и в самой комиссии при правительстве.

В мае, когда поступил запрос от РВС на помощь детским домам Донецка, наши товарищи из донецкой ячейки «Суть времени» провели мониторинг всех детских домов по своей области, составили списки необходимого. У нас на сайте «Родительского Всероссийского Сопротивления» (РВС) была запущена кампания по сбору средств. На первом этапе средства только собирались, но отправки никакой не было, потому что мы формировали команду, выясняли, как можно доставить помощь, договаривались с людьми на границе, которые могут это всё переправить. До начала так называемой «антитеррористической операции» мы провозили людей без проблем через обыкновенные посты.

Активная деятельность началась с необходимости отправлять в Донецк медикаменты, закупленные в Ростове на средства, собранные РВС. Мы попросили члена донецкой «Суть времени» получить в правительстве ДНР разрешение на сбор гуманитарной помощи, чтобы это было как-то официально оформлено.

Получив этот документ, мы записали видеообращение к членам «Суть времени» с просьбой оказать гуманитарную помощь. А далее начали закупать и отправлять грузы. На данный момент по РВС у нас через границу прошло только два груза с закупленными лекарствами. Сейчас перешли на схему работы, когда донецкая ячейка напрямую закупает эти лекарства в донецких аптеках, дальше подвозит лекарства и передает детским домам. Несколько партий лекарственных и гигиенических средств,

закупленных непосредственно в Донецке, уже переданы, и в ближайшее время ожидается передача еще нескольких.

Начиная с 7 июня, после визита Сергея Ервандовича в Ростов, мы организовали пункт сбора гуманитарной помощи уже не только для детдомов.

На тот момент в Ростове-на-Дону было уже около 8 пунктов сбора помощи: общественные организации проводили сбор помощи и отправку по каким-то своим каналам, в первую очередь, через казачество (если помните, в мае в Антрацит зашли козицынские казаки, соответственно, образовались кое-какие коридоры).

Мы основной упор сделали на помощь ополчению. То есть если большая часть пунктов сбора гуманитарной помощи в Ростове-на-Дону ориентировалась на помощь беженцам: собирали медикаменты, продовольствие — то у нас основной упор был на то, чтобы помогать ополчению.

Девизом всей этой кампании была именно помощь ополчению, так как мы считали и считаем, что остановить то, что происходит в Донбассе, может только победа ополчения — никаких позитивных шагов со стороны хунты не видно. Соответственно, наша задача, как и задача всего гражданского общества в Ростове и вообще в России, — помочь ополчению, добиться его победы, и тогда геноцид этот прекратится.

8 июня мы провели первую акцию — серию одиночных пикетов, на которых раздавали листовки. В первый же день 2 тысячи раздали. На следующий день, 9 июня, у нас открылся пункт сбора гуманитарной помощи.

В листовках, которые мы раздавали на пикетах, мы сразу указали, что мы собираем камуфляж, бронежилеты, разгрузки, берцы. До нас никто этого не делал (такую помощь собирали, но по-тихому, не акцентировали на этом внимания), все

почему-то опасались, считая, что это какой-то экстремизм, хотя это всё открыто продается в наших магазинах, никаких запретов на это нет, в том числе на провоз через границу.

После этих акций сразу пошел поток помощи. Она поступала со всей России — от Сахалина до Ленинграда, очень много, конечно, из Москвы. В то время у нас склада еще не было, мы гаражи использовали для хранения.

Из Ленинграда нам в определенный момент прислали партию из двух армейских раций дивизионного типа и попросили передать их в Славянск. Так как у нас со Славянском не было канала (до этого передавали грузы в Луганск, Горловку, в Донецк), то мы обратились в гуманитарный батальон «Новороссия», к Екатерине Губаревой. Познакомились с ней (ее батальон базируется в Ростове), пообщались, она очень благожелательно отнеслась. В тот же день груз переправили в Славянск, и уже через три дня в группе «ВКонтакте» висел отчет о том, что всё доставлено по назначению. Вместе с рациями еще и генератор отправили. За что получили благодарности, в которой Общественное движение «Суть времени» отмечалось за активную гражданскую позицию и оказание гуманитарной помощи ополченцам и жителям Донбасса. «Низкий вам поклон за доброту и гуманность!» — было написано в грамоте.

Несмотря на то, что на сайте был вывешен четко сформулированный запрос, люди несли всё, что у них есть, не особо разбираясь, что нужно. Поэтому у нас образовался очень большой объем гражданской одежды, продуктов, которые сложно передать на ту сторону границы. Перевозка грузов — дело опасное. И никто не станет ехать из Донецка, рисковать ради того, чтобы доставить груз, не представляющий для ополченцев большой ценности. Поэтому примерно две трети полученной

НАША ВОЙНА

материальной помощи мы передали во временные лагеря беженцев на переходных пунктах (у нас нет больших стационарных лагерей — людей сразу отселяют в другие регионы).

Поскольку у нас за эти два месяца выстроились отношения с ополченцами из разных отрядов (по большей части, конечно, с батальоном «Восток», так как там наши осетины), мы еще оказываем помощь раненым, которые лежат у нас в госпиталях. В Ростове на тот момент в госпитале лежал 21 человек — их привезли из Донецкой области. Мы им покупали продукты и те вещи, которые были им необходимы.

22 июня мы провели митинг, приуроченный к трагической дате. Посыл митинга был такой: 73 года назад началась Великая Отечественная война, на нашу землю пришел фашизм. Сейчас фашизм снова пришел на землю Украины, и наша задача — помочь ополчению. Это был первый наш митинг, и народ на него откликнулся. Очень много людей туда пришло. Прямо на митинге мы и гуманитарную помощь собирали. Но приносят помощь не только ополченцам. Многие считают, что ополченцы в помощи не нуждаются, что ополченцев и без их помощи как-то снабжают всем необходимым. Но при этом приносят гуманитарную помощь для детских домов по линии РВС.

Дальше у нас был эпизод с броневиком. К нам за неделю до митинга обратился один ростовский бизнесмен, который сейчас не живет в России, а живет на яхте в Средиземном море, прилетая в Россию посмотреть, как его бизнес работает. И вот он прилетел, увидел, что здесь происходит, и решил активно помогать. За две недели, которые он был в Ростове, он отвез на Должанский пропускной пункт, который в тот момент контролировали ополченцы, снаряжения и медикаментов на несколько миллионов рублей, еще на несколько миллионов отвез для ополчения специального снаряжения, тепловизор даже отвез — в общем, очень многое из того, что было нужно ополченцам на тот момент. А еще он купил инкассаторский броневик — обычный, недорогой, который он просто перекрасил. И мы с ним вместе отогнали его ополченцам. Перевезли они его через границу, и как раз на следующий день начался мощный артобстрел. Если вы помните, это был самый первый момент, когда на нашу территорию прилетели снаряды с той стороны. Так что броневик пришлось очень кстати. Вместе с отрядом, который оттуда вышел, на этом броневике ополченцы вывезли много людей, раненных осколками. Так что пригодился.

К слову сказать, к бизнесменам надо обращаться в первую очередь. Среди них много патриотичных людей, которые не могут спокойно относиться к тому, что происходит. Они готовы помогать, но не всегда готовы отдавать свои деньги в чьи-то руки, потому что понимают, что собранные на гуманитарную помощь средства иногда имеют свойство уходить куда попало. Поэтому таким людям мы говорим: «Не перечисляйте деньги! Лучше возьмите своих друзей и сходите в оружейный магазин». А когда мужчина приходит в оружейный магазин, он «подхватит» не на 5 тысяч, как изначально собирался, а на 15 и 20. А потом еще и привлечет к покупкам своих друзей. Вот так вот в Ленинграде получилось...

Серьезно! Сейчас эта партия идет вместе с тем, что собрала наша ленинградская ячейка. Главное, что надо потом и бизнесменам, и всем, кто участвовал в сборе помощи, показать видеоролик или фотографии, которые бы свидетельствовали, что отправленное дошло до адресата. Нужен фотоотчет или видеотчет.

Пока мы здесь, на школе, наши товарищи отправляют партии гуманитарной помощи практически через день, потому что канал — есть и надо пользоваться моментом. Ситуация сложная, пока линия Луганск–Дебальцево–Донецк не перекрыта,

Гуманитарная помощь доставлена в Горловку

Передача медикаментов в детдома

Гуманитарная помощь для беженцев

Рация для защитников Славянска

Гуманитарная помощь для ополчения Донбасса, складированная в обычном гараже

Раненный в аэропорту Донецка ополченец и Артем Тарабановский у военного госпиталя

необходимо как можно быстрее на собранные полтора миллиона закупить амуницию и всю ее переправить. В Ростове осталась группа, которая не приехала на школу и активно сейчас этим занимается.

Хотелось бы добавить, что в процесс сразу же активно включилась не только вся наша ростовская ячейка, но и ВОБН (люди, вышедшие на «Суть времени» через сайт vognebroda.net). В марте, когда мы пригласили тех, кто от Ростова записался на ВОБН, пришло около 40 человек. Поначалу они подключились к информационной работе. Позже, когда ситуация на Юго-Востоке обострилась, 8–10 человек из списка ВОБН, имеющих свой транспорт, стали помогать перевозить людей и грузы. Еще 8–10 человек дежурят на посту приема гуманитарки. Есть человек, который активно помогает заниматься закупками. То есть где-то около 30 человек периодически включены в работу.

Помимо того, что наладили взаимодействие с ВОБН, взаимодействуем также со СМИ и с органами власти. Была даже ситуация, когда нам позвонили из администрации области, говорят: «У нас тут беженцы из Красного Луча — нет ли у вас автобуса, чтобы отвезти? А то у администрации области ресурса не хватает, а единственная организация, которая помогает, — это «Суть времени».

Также возникли контакты и со многими общественными организациями. Поскольку все видят, что дело нужное, то подключаются к процессу.

На текущий момент ячейками «Суть времени» открыто 15 пунктов сбора. К нам уже пришли грузы из Севастополя, из Волгограда, из Ставрополя целая «Газель» пришла полная, из Армавира, из Москвы уже два раза присылали «Газель» с гуманитарной помощью. Сейчас из Ленинграда идет большая партия (а до этого было несколько мелких). 13 ячеек активно подключились к процессу снабжения, а снабдить надо было около 1200 человек, которые в «Востоке». Они там, как видно было по сюжету на «Первом канале», в майках, в джинсах, а это не очень хорошо.

Организация у нас большая. Но вот я общаюсь здесь, на школе, с людьми и слышу от разных людей, что они тоже собирали помощь в своем регионе и отправляли ее то в Красный Крест, то еще в какие-то организации. При этом никаких отчетов о доставке помощи по назначению они не получили. Нам, как большой организации, надо, не ориентируясь ни на кого, самим собирать гуманитарку, открывать свои пункты. Это же импульс для мощного развития каждой ячейки, потому что люди включены в процесс важного и нужного дела. И мне очень хотелось бы, чтобы другие города тоже активно подключались, открывали у себя пункты сбора помощи и у нас появлялась возможность снабжать ополчение Донбасса в целом и отряд «Суть времени», который там сейчас формируется, конечно, особенно. У нас есть определенные возможности для роста.

Некоторые наши ячейки, организуя сбор гуманитарной помощи, пытаются взаимодействовать с Церковью. Надо иметь в виду, что Православная Церковь и различные семейные организации помогают беженцам — собирают одежду, продукты питания на первое время, дают какие-то консультации. Но Православная Церковь не будет помогать ополчению, не будет покупать разгрузку, коллиматорные прицелы, бронжилеты. А эта помощь нужна в первую очередь. В Донецке невозможно достать разгрузку. Бронжилет в Ростове стоит в три раза дешевле, чем в Луганске. И чем больше именно такой помощи будет идти, тем надежнее будут оснащены наши товарищи.

Артем Тарабановский,
Ростов-на-Дону

НАША ВОЙНА

«Стрим» в Одессе

Одесская «Суть времени» поручила мне производить видеофиксацию всех политических событий, которые происходили в Одессе. А происходили они, в основном, каждую субботу-воскресенье. Были акции, которые устраивали «правосеки» или еще кто-то, и необходимо было вести видеофиксацию, чтобы иметь представление о них...

Нами была проведена работа по изучению того, как организывают стрим. Стрим — это прямая онлайн-видеотрансляция с места событий. Она позволяет людям, которые патриотически настроены, но пока еще спят, так сказать, находятся на диванах, узнать, что происходит в их городе, как бы выйти на улицу.

Есть определенное отличие стрима от съемки видеокамерой. Так как стрим предназначен для прямого освещения событий, тут есть определенные законы жанра. Либо вы организуете стрим с помощью смартфона, имея при себе онлайн точку доступа, Wi-Fi точку доступа. Либо вы организуете какую-то интернет-площадку, на которой собираете все стрим-каналы. И интересующиеся люди могут видеть в онлайн-режиме, что происходит в тот или иной момент времени сопротивления на Украине. Либо, если у вас своей площадки нет, можно попытаться попасть на площадку родственных организаций.

Когда я организовал стрим-трансляцию в Одессе 2 мая, число он-лайн зрителей превысило 70 000. Стрим как жанр имеет определенную особенность. Для того, чтобы тебя смотрело как можно большее число людей, ты (оператор) должен комментировать события. Потому что зрители хотят понимать, что, собственно, происходит. Интервью, снятое на видеокамеру, имеет отложенный эффект по времени. То есть оно чаще всего монтируется, определенные лица ретушируются... Оно имеет несколько иное применение.

Среди ярких моментов, которые мне удалось запечатлеть до событий 2 мая, — поднятие российского флага над зданием Одесской облгосадминистрации. Могу сказать, что люди, когда видели поднятие флага, реагировали более чем положительно. Некоторые плакали. Людей как бы панцирем покрыло из-за этих событий — путча и всего прочего. А поднятие российского флага вдруг что-то прорвало — у людей была очень яркая эмоциональная реакция.

Из ярких моментов, которые мне удалось зафиксировать именно 2 мая, могу назвать появление снайперов на Греческой — это мало где показывается. Для того, чтобы снять подобные вещи, необходимо войти в стан врага и вести съемку изнутри.

Так получилось, что я выбрался из котла. На Греческой были зажаты силы куликовцев. Я вышел с целью посмотреть, где находятся основные силы «правосеков», и дать людям, где есть, коридоры для выхода. Чтобы понять, где эти коридоры находятся, нужно было обойти всё, посмотреть, какова диспозиция. Совершая этот обход, я случайно наткнулся на людей, которые шли с винтовками. Я не специалист и не могу с уверенностью сказать, какие это винтовки — оптические или штурмовые. Вел их какой-то депутат...

Среди интересных кадров, которые мне удалось снять, — интервью с выжившими 2 мая. Я сейчас с удивлением иногда обнаруживаю часть своих видео на каких-то неожиданных ресурсах. Например, какие-то энтузиасты в Америке сняли фильм по одесским событиям 2 мая и использовали в нем съемки очевидцев, включая и то, что удалось снять мне. Чтобы взять эти интервью, я сразу пробежался

по больницам. Туда, конечно, не всегда можно было легко зайти. И не все хотели говорить на видеокамеру. Но, к чести людей выживших, многие не боялись показать свое лицо и открыто выразить свое мнение.

Если говорить о событиях 2 мая в целом, получается, что с помощью стрима удалось зафиксировать самое начало и развитие событий, которые происходили на Греческой. Зафиксировано, как активисты Куликова поля стоят возле памятника защитникам правопорядка, как со стороны «Правого сектора» к ним приблизился человек, который разрядил обойму в стоящих людей. А потом скрылся — там неподалеку есть детский дворик, вот он туда и побежал. Его заметили, хотели догнать. Но внутри дворика был «Правый сектор» с оружием, со щитами. Доступ во дворик был прегражден изнутри милицией, и рядом стояла машина ОБСЕ. То есть многие тогда поняли, что ОБСЕ «правосеков» как бы покрывает, защищает. Во всяком случае такое создалось впечатление. ОБСЕ стояла во дворе вместе с карателями. И это было мною зафиксировано.

Хочу добавить, что в самой Одессе были стримеры разного рода. Например, был один англичанин, который делал репортаж о наемниках. Он заснял очень любопытные вещи. Иностранцы наемники, в том числе и из Израиля, они ему прямо в камеру признавались — это был стрим в чистом виде. Он тут же вышел в интернет. Но потом как-то эта тема быстренько замылилась, и больше к ней никто не возвращался.

Вот, вкратце, в чем заключалась моя деятельность.

Сергей Кургинян:

То, чем занимается наш товарищ, — это оперативная съемка. Кадры, где 2 мая в Одессе машина ОБСЕ соседствует с «Правым сектором» — ценнейшая оперативная съемка. Но все, кто ведет такую съемку, рискует. Они не могут быть анонимными, потому что должны вести комментарии. Для нашего товарища участие в этой работе завершилось необходимостью срочно уехать самому и эвакуировать семью — под угрозой была их жизнь. Но в принципе сама эта идея ведения оперативной съемки при помощи смартфона или другой аппаратуры, которую можно достаточно легко приобрести, — очень ценная.

Мария Подкопаева:

Помимо того, что оперативное информирование из горячей точки ценно само по себе, есть еще одна огромная ценность того, что сделал наш товарищ. Когда в горячих точках происходят острые события, то в какой-то момент острая фаза так или иначе заканчивается. И потом нужен суд, а документальных свидетельств нет. Свидетели либо погибли, либо об их местонахождении ничего не известно, либо они

дают противоречивые показания. Собрать свидетельства — это огромная работа. И те страшные преступления, которые сегодня творятся, могут просто пропасть в безвестности. Поэтому всё, что записано, всё, что поймано на камеру, — на вес золота. И вот этот будущий суд — его тоже нужно иметь в виду.

Сергей Кургинян:

Хочу сказать про этот будущий суд и про информационную войну. Что бы ни произошло в горячей точке, немедленно после этого начинается интерпретация событий. Помните перестроечные рассказы о том, что в Тбилиси людей рубили саперными лопатками? Если бы в Тбилиси существовал стрим, страна бы не распалась, понимаете? Поэтому немедленно в эфир должна идти оперативная съемка с места событий. Одна бригада информбюро ведет оперативную съемку. А другая бригада информбюро дает оценку событию и начинает распространять эту свою оценку. Кто первый интерпретирует, тот и побеждает. И в условиях интернета это, в конечном итоге, уже не может быть монополией государства.

Дмитрий Попов:

На Греческой можно было услышать такие слова: «Сорок лет хождения по пустыне». У меня есть кадры, на которых видно, что в какие-то моменты народ хочет двинуться на марш, а его задерживают на митинге, то есть просто предлагают постоять на площади. Понимаете? И многим было непонятно: сколько можно не осуществлять каких-то реальных действий? Почему, допустим, в Луганске или Донецке захватывают ОГА, а у нас не захватывают? Почему не ставится такая повестка, которая могла бы принести ощутимую пользу? Почему нельзя было взять и поставить охрану возле телецентра какого-то мощного и разрешить трансляцию российских каналов? Но никто же этого не делал! Мало того, когда случайно с трибуны был озвучен призыв формировать отряды в помощь Луганску, это же быстро пресекли.

Многие реально не понимали, как — уже после поджога Дома Профсоюзов в Киеве, после разграбления оружейных складов на Западной Украине, — как можно в Одессе формировать дружины, которые будут бегать просто со щитами? Люди, которые пришли на Греческую, они просто устали. Они знали, что приехали бандеровцы, что их приехало очень много. Но у них было два довода: первый — ненависть к бандеровцам и необходимость встать у них на пути и второй — надежда, что Одесса встанет, что она пробудится, наконец. Какой еще может быть яркий и весомый довод? Всё — наши дерутся, наши стоят. Но многие так и не поняли, почему же все-таки Одесса не встала.

Сергей Кургинян:

Действительно непонятно, почему все люди с большим военным опытом, которых не может не быть в Одессе по массе причин, почему они вообще не дернулись? Вы понимаете, что там была лучшая школа военной разведки в СССР? Там было очень много чего. Что там, собственно, произошло? Почему на такой страшный и яркий импульс — нулевая реакция? И надо иметь в виду, что Одесса — это, конечно, главная точка для ввода войск НАТО, если этот ввод будет.

Давайте подведем какой-то итог. Для того чтобы информацию из горячих точек упаковывать, фиксировать, делать компактной, соединять, комментировать, должна быть группа операторов на местах и штаб, который сидит и непрерывно отбирает материалы, монтирует и т.д. Как вы понимаете, один человек этого сделать не может. Он в лучшем случае вытащит смартфон и будет с ним стоять, пока его не стукнут по голове. А на самом деле тут нужна скрытая камера, соответствующие возможности монтажа, штаб, мгновенная коммуникация, группирование случайных материалов в пакеты, выдача этих пакетов через каналы и так далее. И если всего этого не будет, то в любой горячей ситуации мы будем проигрывать любым мерзавцам, которые будут менять очевидность с точностью до наоборот. Полтерритории сдано, но тот, кто это сделал — герой... Понимаете, всё находится в руках определенной группы конструкторов. Единственное, что можно этому противопоставить, — реальная информация, постоянно идущая с мест. Иначе ничего не будет.

Мария Мамиконян:

Можно, скажу одну вещь? Стрим, онлайн-слежение за ситуацией, — это именно то, что в одном одесском анекдоте называется «волноваться, подробности письмом». Был такой одесский анекдот: умер на курорте человек. И нужно отправить жене телеграмму. Но чтобы ее особенно не огорчить, написали: «Волноваться, подробности письмом». Стрим — это, по сути, «волноваться». Все мы очень волновались, когда его смотрели. Но дальше должны быть подробности, которые тоже дает стрим, плюс другие подробности. И главное — «письмо». То есть, пока это не будет оформлено быстро в пропагандистский информационный блок — это окажется просто возбуждением масс, когда они чувствуют себя причастными, потому что сопереживают горячим событиям, с кем-то там перезваниваются и так далее. А потом начинается такой отходняк. Вот, собственно, что мы наблюдали отчасти в одесских событиях. Все следят, все перевозбуждены, а дальше — ничего.

Сергей Кургинян:

Товарищи, это всё можно сделать. И все понимают, как это делать. Может быть запрос на оборудование. Если мы профессионалы, должно быть обучение, как пользоваться этим оборудованием. А еще те, кто ведет съемку в горячей точке, должны уметь выходить оттуда живым. Значит, нужны группы прикрытия, группы увода. Этому — и многому другому — мы должны быстро научиться. Не может быть так, что вы уехали со школы, послушав выступления своих товарищей, сказав: «Как это всё интересно!», — и ничего не начнете делать. Мы здесь для того, чтобы запустить процессы по самоорганизации, по работе региональных бюро, по направлениям. Эта школа — решающая.

Дмитрий Попов,
Одесса

НАША ВОЙНА

Будущее глазами юности

Проект, о котором я хочу вам рассказать, называется «Пионеры дальнего космоса. Будущее глазами юности». Это конкурс детского фантастического рисунка, который мы поначалу организовали в Севастополе, а потом как-то так получилось, что он перешел на федеральный уровень. Всего работ у нас на выходе получилось чуть более тысячи.

Как это всё началось и чем это всё закончилось?

В прошлом году мы в Севастополе организовали конкурс рисунков, посвященный 300-летию Севастополя. Мы хотели побудить детей изобразить будущее родного города в составе Советского Союза. Мы очень переживали, когда заявляли эту тему, потому что мы все прекрасно понимаем, что идет антисоветская пропаганда, и она дает свои плоды.

Мы были приятно удивлены тем, какой отклик этот конкурс получил и у участников, и у учителей, и у родителей. И вот по окончании первого конкурса наши участники и учителя попросили, чтобы мы провели еще один конкурс. И тогда мы начали думать над новой темой.

Почему «пионеры дальнего космоса»? Потому что Россия, наряду с другими странами постсоветского пространства, является наследницей великого советского космического наследия. И потому что СССР — это вообще первооткрыватель космоса. Вся история покорения космоса началась здесь, в этой великой державе.

При этом мы понимали, что идем на риски, потому что можем получить большое количество работ в стиле «фэн-тэзи»: дети могут нарисовать что-нибудь типа спайдермена (человека-паука) и тому подобного.

Для того чтобы эти риски минимизировать, нужно было провести предварительную работу. И эта работа была проведена. В Севастополе, а также в других регионах, проводились уроки мужества, читались лекции на тему истории развития космонавтики, показывались фильмы. Мы также проводили информационную работу, в которой нам помогали наши товарищи из разных регионов.

В интернете была создана достаточно большая группа. И помимо новостей, относящихся к данному проекту, она также наполнялась книгами замечательных советских писателей-фантастов, советскими мультфильмами, художественными фильмами. Потому что мы хотели, чтобы участники конкурса опирались не только на научно-техническую составляющую, но также на культурную составляющую советского периода.

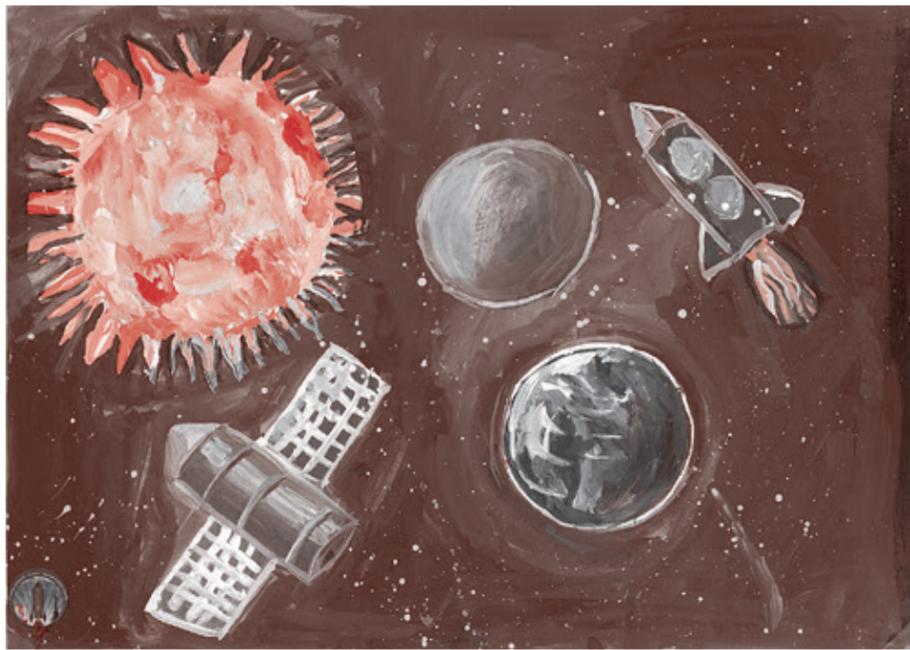
Галерея Атриум — Выставка рисунков Пионеры дальнего космоса

«Белка и Стрелка», Варя, 11 лет, Россия, Москва

Эльдар, 7 лет, Россия, Дубна

«На космических просторах». Алёна Матейко, 6 лет, Россия, Севастополь

Основным условием конкурса было отображение советской стилистики, советской традиции, советского содержания. Но со взглядом в будущее, в связке с теми задачами, которые перед нами стоят в XXI веке, — так, как юные участники конкурса это всё видят.

Что у нас получилось? По итогу в данном проекте приняли участие 28 городов. И, как я уже сказала, мы получили более тысячи замечательных работ.

В общем, спасибо огромное товарищам из Москвы и Московской области, Республики Карелия, Комсомольска-на-Амуре, Челябинской области, Нижнего Новгорода, Белгородской области, Томской области, Новочеркасска, Новокузнецка, Сочи, Екатеринбурга, Ханты-Мансийска, Смоленской области, Владивостока, а также многих других областей и городов, которые тоже приняли в этом участие.

Еще один очень важный момент. Мы заявляли и на пресс-конференции, когда только готовили этот проект, и в дальнейшем, когда уже непосредственно общались с учителями, библиотекарями и другими людьми, имеющими отношение к системе образования, что призы не будут ценными в материальном плане. Мы хотели наградить участников такими призами, чтобы они почувствовали связь с прошлым, с научно-техническим прорывом, с направлением, которое было передовым в советский период.

Мы наградили абсолютно всех участников грамотами, и также подарили им книги, подписанные действующими космонавтами, героями Советского Союза. Была видна реакция людей — и детей, и родителей, — как они все были рады и счастливы.

Здесь, на школе, мы обсуждали направления работы региональных бюро «Суть времени», и, как выяснилось, одним из направлений является межрегиональное сотрудничество. Хотя на тот момент, когда мы запускали этот конкурс, схемы работы региональных бюро еще не существовало, и мы всё делали стихийно, мы очень рады, что благодаря этому проекту состоялось полноценное межрегиональное сотрудничество. Мы, люди из отдаленных друг от друга городов, узнали друг друга намного лучше.

Причем в этом конкурсе принимали участие не только города России. Несмотря на сложную политическую ситуацию, которая сложилась на Украине буквально через месяц после того, как мы запустили этот проект, в нем приняли также участие киевляне. У нас есть днепропетровские работы. Из Латвии прекрасные работы пришли...

Екатерина Чепурная, Севастополь

В борьбе за Крым

Вам всем известно, что 22 февраля 2014 года Янукович сдал пост и сбежал.

23 февраля в Крыму организовалась народная самооборона, в которую вся наша ячейка влилась до единого человека. И 24-го мы уже отстаивали памятник Ленину.

26 февраля мы отстаивали Верховный Совет Республики Крым. В результате толкотни с татарами и с «Правым сектором» там погибло 3 человека — затоптано, забито палками. Наши без особых увечий вышли. Но в этом мы участвовали, влились в единую самооборону. Просто на тот

момент должна была создаваться единая сила.

После этого мы проводили другие акции, которые нас должны были выделить из общей массы самообороны. Такой акцией стало празднование 9 мая. Мы сделали заявку об отдельной колонне «Суть времени» на параде Победы. Если на 1 мая мы вышли в гражданском, то 9 мая мы были в куртках «Суть времени». Можно сказать, что колонна «Суть времени» была, наверное, единственной боевой колонной на всем параде — кроме ветеранов, которые возглавляли весь парад. К нам подходили дети, фотографировались на фоне

этих красных курток. К нам подходили представители городской власти Симферополя, говорили, что вы уже и тут, в Крыму, провели «парад 15 марта». Мы ответили, что мы всегда были тут и никуда не уходили, просто они до этого не замечали нас.

Если говорить о более ранних акциях, то одной из наших акций стало создание в 2012 году опорного пункта «Суть времени» в Крыму. Этот пункт сейчас находится в городе Симферополе. Это пункт, куда может прийти любой член «Суть времени», приехавший в Крым отдохнуть, или по делам «Суть времени», или как беженец. В любом случае, мы окажем и медицинскую,

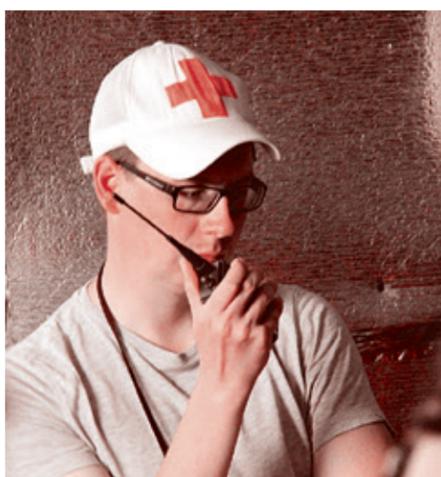
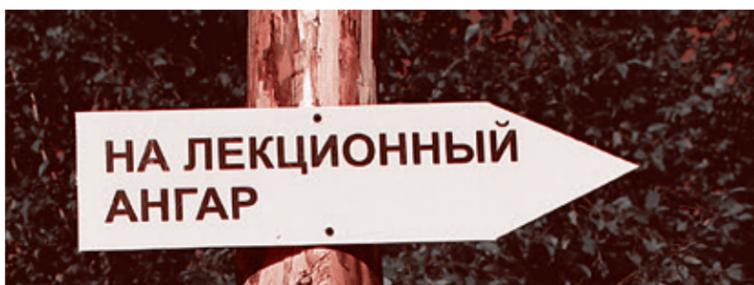
и финансовую, и юридическую помощь по мере наших возможностей.

Туда, кстати, уже приехали беженцы: два сутевца из Харькова, убежавших от преследования, и один сутевец из Киева. Двоих мы трудоустроили и поселили, они теперь получают гражданство Российской Федерации на территории Крыма. Помогаем им с юридическими вопросами, как можем.

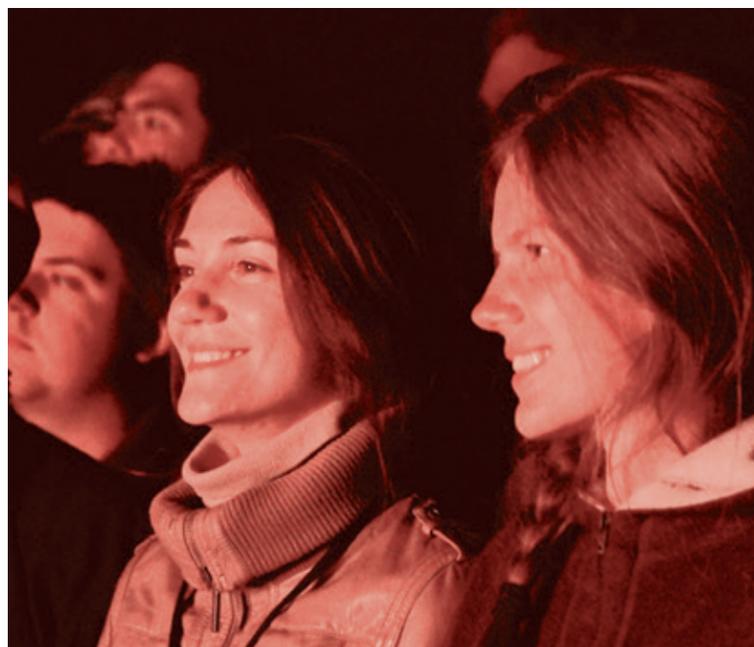
Так что добро пожаловать в Крым!

Константин Парубин,
Симферополь

НАША ВОЙНА

НАША ВОЙНА

НАША ВОЙНА

Концерты в Крыму

Михаил Демин:

21, 22 и 23 июня 2014 года состоялись концерты в Крыму. Инициатором проведения этих концертов была тверская ячейка движения «Суть времени».

Ольга Кислякова:

У нас был уже в течение двух лет опыт концертной деятельности. В прошлом году прошел ряд концертов: сначала в Липецке, потом в Твери, в Туле у Сергея Тимофеева (мы помогали ему с выборной кампанией). В Курске тоже прошла успешная акция. И поэтому мы, уже имея этот опыт, набрались смелости, в некотором смысле даже наглости, и, как только произошло присоединение Крыма, сразу решили: а давайте проведем концерт в Крыму.

То есть эта акция сама по себе была задумана, конечно, не ради того, чтобы съездить в Крым и спеть там советские песни. Это само по себе, может быть, и прекрасно, но этого совершенно недостаточно.

Мы преследовали три цели.

Микроуровень (уровень ячейки) — испытать себя. Ехали мы на автомобилях. Например, от нашей Твери до Керченской переправы — 1900 километров. То есть провести постоянно вмятером в маленькой, достаточно тесной машине (восемь дней мы в итоге провели вот в такой компании) — это в каком-то смысле испытание себя. Было интересно понять, как члены ячейки будут себя чувствовать в таких достаточно стесненных обстоятельствах. Итак, первый уровень, микроуровень — ячейка.

Второй уровень, уже более высокий, более обширный — это координация в рамках региона Центральная Россия. Ведь весь нынешний год объявлен годом создания региональных бюро. И вот внутри этого бюро Центральной России мы старались несколькими областями соединиться и осуществить конкретный проект. В итоге в проекте приняли участие три региона Центральной России (перечисляю не по значимости, а по удаленности): это Тверь (организатором тут выступила я, Ольга Кислякова), Рязань (Михаил Демин) и Воронеж (Николай Ганибаев).

И в этом же проекте участвовал еще один регион — Брянск. Александр Лебедев заранее привез в Москву изготовленные брянской ячейкой стенды выставки по нашей актуальной проблематике. Мы заехали в Москву, забрали их, отвезли и в итоге подарили крымской ячейке. И эти стенды, естественно, там во время концерта были развернуты, активно использовались, люди читали, приобщались, и это сыграло свою роль. То есть четыре ячейки в этом участвовали. Это второй уровень.

Михаил Демин:

Дополню. Дело в том, что еще одна ячейка Центральной России принимала участие в подготовке концерта. Ярославская ячейка сделала макеты наших задников. На сцене был большой задник. На нем был изображен Херсонесский, так называемый Туманный, колокол, отлитый, кстати, из трофейных турецких пушек, и написаны слова:

*«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...»*

Ольга Кислякова:

Теперь о третьем уровне... Ячейка — первый уровень, регион Центральная Россия — второй. А третий — страна. Мы старались этой акцией концертной закрепить, подчеркнуть, продемонстрировать

Михаил Демин и Ольга Кислякова на Летней школе «Суть времени», 2014

единство страны. Крым присоединился, вернулся. Крым — это теперь уже российская, наша общая территория. И вот через концерты, через песенное искусство, через эмоциональную включенность зрителей мы достигали этой цели.

Хорошо ли, плохо ли (мы знаем свои недостатки, знаем, что нам не удалось сделать, мы учимся на своих ошибках), но все три поставленные задачи в целом были нами выполнены.

Николай Ганибаев:

Как только мы узнали о том, что 22 июня планируется поездка в Крым, связанная с выступлениями перед беженцами, связанная со взаимодействием с крымскими ячейками «Суть времени», мы отложили свои запланированные дела и решили поддержать этот проект.

Взаимодействие с крымчанами по факту оказалось необыкновенно сильным эмоциональным переживанием. Мы повстречались там с удивительными людьми. С бабушкой-партизанкой. С человеком, который много лет занимается поисковыми работами, связанными с Великой Отечественной войной. Все они — с душой. И когда они подходили к нам после концерта и говорили, что это было как глоток свежего воздуха — как у них глаза горели! Очень яркие впечатления.

Сама поездка в Крым была... Честно скажу, даже если бы не было самих концертов, это всё равно стоило бы сделать, потому что это было такое переживание совместное... Мы и друг друга узнали лучше, мы вместе пережили многие интересные моменты за эти дни. Переживание удивительное.

Когда мы выступали, люди воспринимали очень хорошо, в том числе благодаря хорошей технической подготовке. У нас был замечательный задник, о котором уже было сказано. У нас были замечательные стенды с фотовыставкой, подготовленные брянской ячейкой. Люди воспринимали эту фотовыставку на ура. Мы размещали ее и в фойе, и на открытых площадках — там, где семьи гуляют. Проводилось всё не в самых главных городах, не в Севастополе и не в Симферополе, а в Балаклаве. Так что люди там эту фотовыставку еще не видели. И она произвела просто потрясающее впечатление. Ну и наши артисты, конечно, честь им и хвала. Спасибо им огромное.

Ольга Кислякова:

Первый концерт, в Балаклаве, состоялся 21 июня, второй концерт, в поселке Красный Мак, — 22 июня.

Михаил Демин:

Общая идея концертов — то, что в ночь с 21-го на 22-го июня произошло прямое соприкосновение, а точнее нападение сил зла на силы добра. И потом мы уже увязали то, что происходило 73 года назад, с тем, что происходит сегодня, в наши дни. А происходит то же самое: силы зла ополчились и вступили в противодействие силам добра.

Концерт как бы связывал между собой два периода времени: период начала Великой Отечественной войны и период тех событий, которые происходят в Новороссии. Собственно говоря, сам концерт структурно был разбит на отдельные блоки.

Вначале был блок, который дает общечеловеческое, коммунистическое восприятие мира.

Второй блок — это приход зла в 1941 году на нашу землю, противостояние и победа над злом.

Третий блок — Советский Союз, который после Победы начинает восхождение вверх. А потом вдруг начинается опять падение, то есть повторяется вот та самая история 1941 года.

И последний блок, он был посвящен у нас Крыму. Тому, что с Крыма мы опять начнем возрождение нашей страны.

То есть идея была достаточно простая. Всё это было изложено и в тексте, который Ольга читала, и в музыке, естественно...

Ольга Кислякова:

Мы исполняли и общеизвестные, и несколько подзабытые песни. Вначале был такой позитивный посыл — песни «Этот большой мир», «А есть на крыше, а есть на крыше», то есть такие вот позитивные песни. Во втором блоке всё было драматизировано: «Горячий снег», «Эх, дороги», песни о ратном труде наших героев, воевавших в Великой Отечественной войне. Конечно, были песни, посвященные Крыму, Севастополю: «Севастопольский вальс» и другие.

Кирилл Сизиков, Севастополь:

Хочу добавить, что это был не просто саундтрек, когда звучит песня за песней. Это было действительно художественное произведение. Не вполне спектакль, но со стороны это смотрелось потрясающе. Между блоками были текстовые вставки и стихи. То есть это не было просто набором советских хороших песен.

Михаил Демин:

Еще один момент. Дело в том, что после прошлогоднего липецкого концерта

это был наш второй концерт-митинг... Чем он отличается от обычного концерта? Тем, что в рамках концерта мы еще давали слово нашим ребятам, чтобы, во-первых, ребята привыкали к сцене, чтобы они учились общаться с большим залом. И ребята из ячеек, они не просто так выходили вместе с нами на сцену, они полноправно принимали в концерте участие.

И еще такой момент. Когда исполнялась последняя песня, все участники концерта и все ребята, которые нас принимали в Крыму, вышли в красных куртках. Этим выходом мы соединяли 1941 год и 2014-й, то есть замыкали всю эту композицию воедино.

Кирилл Сизиков, Севастополь:

Мне как координатору Севастопольской ячейки «Суть времени» хотелось бы поделиться своими наблюдениями, как формировалась организация всего этого действия. Все вы помните, наверно, схему нашего регионального бюро. Концерт планировался как некое турне по региону «Юг». То есть по ячейкам Севастополя, Симферополя, ну и дальше по ячейкам на юге России.

Как всё это формировалось, какие элементы Южного бюро были подключены?

Информбюро. Это и пресс-релизы, оповещающие о концерте, это и релизы, вышедшие уже после концерта.

Студия визуального контента. То есть изготовление роликов, фотографий.

Отдел технической поддержки. В каждом городе, в каждой ячейке был создан один чат, в который вошли представители разных отделов. Отдел технической поддержки обеспечивал на местах аппаратуру и всё остальное.

Отдел межрегиональных связей. Очень было полезно налаживать связи, контактировать с другими ячейками.

Отдел по внешним связям. Это и работа с администрациями, работа с площадками, на которых было запланировано провести концерты, и работа с Министерством культуры. Нужно было договориться о местах проведения концертов.

Отдел по связям с ВКСВ. Мы приглашали людей на встречи, на сам концерт.

Отдел культурных программ. Здесь работала и собственно сама труппа, и все, кто от Южного регбюро входит в этот отдел.

В перспективе есть еще один элемент — региональный архив. То, куда уйдет весь результат нашей работы, чтобы другие ячейки могли с ним знакомиться, перенимать опыт и внедрять у себя.

Константин Парубин, Симферополь: Мы сначала планировали провести концерт в Симферополе, но потом связались с Михаилом Деминным и решили проводить в Красном Маке. Мы сотрудничаем с Красномакским сельским советом с 2013-го, и у нас сложились очень теплые отношения. Там совершенно никаких препятствий не было. Мы пришли к председателю сельского совета. Она нас знает, помнит, потому что мы восстанавливаем памятники Скорбящей матери в Красномакском сельском совете (в самом селе Красный Мак) и в Холмовке. Так получилось, что 21 июня, перед самым концертом, мы проводили восстановление Мемориала погибшим воинам в первые дни обороны Севастополя. Это Бахчисарайский район, в непосредственной близости от Севастополя.

И на следующий день, 22-го числа, мы провели концерт, который привел в ДК не только всё село, но даже соседние села. Был действительно фурор, люди шли с цветами, малышей приводили с цветами.

НАША ВОЙНА

Было замечательно. Позвольте зачитать благодарность всему коллективу и отдельно каждому из выступавших.

«Председатель Красномакского сельского совета Бахчисарайского района республики Крым Львова Светлана Николаевна.»

Благодарность.

Организаторы концерта-реквиема «О добром человеке», посвященного 73-й годовщине начала Великой Отечественной войны, выражают сердечную признательность Арсению Иванову за яркое самобытное выступление, Андрею Алексееву, Егору Шимакову, Татьяне Лоза, Юрию Горячеву, Александре Поповой.»

Хотелось бы сказать, что мы планомерной скрупулезной деятельностью на протяжении двух лет завоевали в Красном Маке сердца... И то, что у нас Красномакский сельский голова фактически стал членом «Суть времени» — это бесспорно. И мы будем продолжать дальше так же работать.

Кирилл Сизиков:

У нас в Севастополе тоже по внешним связям получилось наладить контакты с Балаклавской администрацией, председатель Балаклавского районного совета и председатель Балаклавской районной государственной администрации тоже подписали благодарности артистам. Просили передать.

Константин Парубин:

Еще мы согласовывали документ в городе Симферополе по проведению концерта. Там необходимо с полицией согласовать, с другими органами, с горсоветом. И,

безусловно, мы уже настолько намозолили им всем глаза, что делалось всё в большом темпе. Мы уже со многими знакомы, и многое решается на личных контактах. Мы проводили уже другие мероприятия. И поэтому нас уже узнавали, встречали с улыбкой, как можно быстрее согласовывали документы.

Кирилл Сизиков:

Добавлю, что концерт проходил еще и в рамках общерегиональной (регион «Юг») акции по сбору гуманитарной помощи. То есть мы, во-первых, во время митинга-концерта анонсировали, что производится сбор гуманитарной помощи. А также стояли стенды нашей «Суть времени». А также люди могли читать письма с фронта. После концерта подходили очень активные люди, очень эмоционально благодарили артистов. Мы оформили несколько подписок на газету «Суть времени».

Ольга Кислякова:

В Красном Маке Дворец культуры, где был наш второй концерт, находится в безумном запустении. Но люди всё равно пришли и говорили нам, что в этом Дворце культуры наш концерт — первый за последние 20 лет. И они уже надеются, что с этого момента появилась какая-то точка, с которой начнется рост. Мы очень надеемся, мы даже уверены, что крымские ячейки, конечно, используют этот ресурс для дальнейшего роста.

Михаил Демин:

В поселке Красный Мак на концерте было примерно 200 человек, зал был забит, люди стояли в проходах. Мы планировали дать концерты для беженцев. К сожалению,

этого не случилось по объективным обстоятельствам. А вот на концерте в Красном Маке беженцы действительно присутствовали. Они прибыли из Луганска.

Люди очень хорошо реагировали. Пожилые, среднего возраста — для них все эти песни знакомы, и они очень эмоционально себя вели, у многих блестили на глазах слезы. Для более молодого возраста мы сознательно в концерт включили современные песни. Среди них — немного тех, что отражают нашу действительность, но они есть.

Ольга Кислякова:

Когда, например, слышат первые аккорды и узнают «Севастопольский вальс», то просто сразу начинают хлопать. Или, например, песня из репертуара группы «Любэ» «Там, за туманами». Тоже хлопают мгновенно практически.

Очень важно было, что мы там не просто пели, мы ж там общались с людьми. Было несколько очень интересных, совершенно уникальных знакомств. Например, в городе Балаклава, где мы выступали, мы познакомилась с совершенно замечательным человеком — Валентином Алексеевичем Ломовым, который руководит группой «Подвиг» большого движения «Долг». Они поисковики. А в Крыму ведь происходили невероятно серьезные и страшные бои, причем с самого первого дня Великой Отечественной войны. Валентин Алексеевич про Балаклаву рассказывал такое, что невозможно было бы никогда узнать.

Михаил Демин:

И еще об одной встрече хотелось бы рассказать. Эта встреча действительно уникальна. Идет подготовка к концерту,

я сажусь за звукорежиссерский пульт. Входит бабушка. Подходит, кладет мне руку на плечо и говорит: «А можно с вами поговорить?» Ну я, естественно, встаю, и она говорит: «У меня есть газета 41-го года». Я смотрю на нее и понимаю — вот сейчас я что-то увижу. Я говорю: «А где она?» — «Здесь». — «А Вы можете мне ее на минутку дать, у нас начинается концерт». Она говорит: «Не дам».

Понимаете, для нее это реликвия. Это и для меня — святое. А для нее-то насколько! После этого Ольга спустилась, подошла к краю сцены. Мы с бабушкой все-таки поговорили, она рискнула — отдала газету Оле. И наш концерт именно в Красном Маке начался с краткого зачитывания фрагмента из передовицы газеты 1941 года.

Бабушка действительно уникальная, она с семи лет была связанной в партизанском отряде. Пережила парализацию и саму себя вылечила усилием воли. То есть она заставляла, чтобы у нее пошевелился сначала один пальчик, потом второй пальчик, потом третий пальчик. И вот так, потихоньку-потихоньку, себя сама своей волей восстанавливала. Ребята сейчас готовят к выпуску большое интервью с этой бабушкой. Мы надеемся, что в ближайшее время все вы сможете его увидеть.

Ольга Кислякова, Тверь
Михаил Демин, Рязань
Николай Ганибаев, Воронеж

НАША ВОЙНА

Перманентная война

Я бы хотел рассказать о некоторых составляющих опыта работы ячейки в условиях перманентной войны. Борьба против музея «Пермь-36» — это одна из военных кампаний, которые мы вели. Вели мы их несколько, шесть или семь. И мне хотелось бы донести опыт работы в состоянии постоянной войны — хотя бы одну его часть. Я просто напомню о наших кампаниях, хотя мы хорошо их освещали.

Одна из них — переименование улиц. Сейчас мы входим в рабочие группы Совета по топонимике, по разработке нового положения. Мы включили два пункта, которые заблокируют любые переименования улиц.

Другая кампания — это война с «культурной» политикой Марата Гельмана. Марата Гельмана теперь в городе нет. И одна из его инициатив — ликвидация культурных и образовательных учреждений — тоже была заблокирована. Был очень большой митинг — человек пятьсот студентов — и эта инициатива была сорвана.

По ювенальной юстиции. Мы боролись с назначением уполномоченного по правам ребенка в Перми Павла Микова. Это тоже была довольно громкая кампания, пожалуй, единственная из всех кампаний, которая не увенчалась окончательным успехом. Все остальные были выиграны, но Павел Миков — в списке на «политическую ликвидацию».

Ведется антиоранжевая борьба.

Антифашистская кампания недавно была. Мы писали серию политических работ и показывали фашизацию националистического поля и подготовку его к русско-му майдану по модели «Правого сектора».

Велась кампания за восстановление ордена Ленина, а так же, как в Екатеринбурге, против сноса памятника. Правда, у нас его снесли, но восстановят этой осенью.

Теперь, пожалуй, перейду собственно к наиболее яркой и длительной кампании,

сюжет о которой недавно вышел на телеканале НТВ. Сначала в передаче «ЧП», а потом в прайм-тайм был такой жесткий репортаж, который во многом был сделан по нашим материалам и по тем идеологическим моделям, которые мы задавали.

Музей «Пермь-36» и форум «Пилорама» — это был такой комплекс, с одной стороны, антисоветской агитации и пропаганды, с другой стороны, — либеральный форум элиты либеральных же идеологов. Там прорабатывались оранжевые конструкты — это создавался учебный центр для пятой колонны, где готовились бы депутаты и чиновники, оранжевые активисты для всех последующих событий.

Борьба началась в 2011 году, когда как раз пошла программа десоветизации, и, буквально, первым точным действием нашего движения был опрос АКЦИО. На форуме «Пилорама» как раз главной темой была попытка еще раз доказать целесообразность программы десоветизации. Вторая тема — подготовка к оранжевым действиям в 2011–2012 годах. Зная это, мы хорошо подготовились и приехали на форум «Пилорама». Поскольку там был большой палаточный лагерь, мы устроили свои выставки, приглашали на них людей и участвовали во всех дискуссиях форума. Довольно хорошо подготовленные активисты задавали вопросы, давали комментарии, выступали на круглом столе и фактически переиграли остальных участников. Федотову, Лукину и всем остальным это очень не понравилось. Их раньше устраивала ситуация, когда от левых приходили комсомольцы и представители КПРФ, которые вели себя маргинально, пытались сорвать дискуссию, раскидывали листовки. А нами спокойно и аргументировано была доказана вся порочность тех инициатив, которые они предлагают.

В 2012 году уже с большим размахом прошел форум «Антипилорама», который мы проводили параллельно с «Пилорамой». Мы предложили его сделать точкой

схода и для других ячеек, которые бы тоже приняли участие в этой борьбе. И около восьми ячеек приняли участие в «Антипилорама» — 2012, около 50 человек участвовали в этом форуме. Мы организовали лагерь и выставки рядом с музеем «Пермь-36». Огромное число людей заходило на наши выставки.

И реакция на наше участие в 2012 году — реакция либерального сообщества: больше «Пилораму» не имеет смысла проводить. Один из ведущих либеральных «экспертов», лидер оранжевого протеста 2011–2012 года Игорь Аверкиев сказал, что нет смысла больше проводить форум «Пилорама», потому что приезжает «Суть времени», очень грамотно забирает к себе всех людей и их разагитирует.

После форума в 2012 году на ячейке было принято решение объявить войну форуму и музею «Пермь-36», поскольку было их валить и связывать власть тем, что она помогает, в том числе, этому музею. С еще большим количеством публикаций, комментариев, утверждением именно этой концепции в конце концов отношение к музею стало меняться.

В 2011 году всё правительство Пермского края участвовало в форуме «Пилорама», оно играло в футбол на полянке «Пилорама». Теперь это очень жесткий конфликт. Буквально сегодня я прочитал сообщение, что директор музея «Пермь-36» (которую недавно оповещали, что проблемы музея как-то разрешатся) приехала и увидела рабочих, которые бензопилой разрушают все эти декорации.

Когда мы вели эту политическую борьбу, у нас, в частности, тренировались навыки политической игры, то есть созданию идеологических инструментов, с помощью которых можно было бы валить противника.

Срыв форума «Пилорама» в 2012 году тоже был задуман как политическая игра. Проходила она на фоне кампании против Гельмана. Мы эту антигельмановскую

Мы съездили на экскурсию в музей, сняли ее на скрытую камеру, зафиксировали, в частности, «замечательные» слова экскурсовода о том, что советское руководство было хуже фашистов, фашисты холили и лелеяли арийскую нацию и так далее. Вот такой бред она решила произнести. Мы подготовили видеоролик. И тут же пошла видеозапись с форума «Пилорама», а там концертная программа довольно грязная и экстремистская, с песнями «Я готов — а ты готов поджигать машины ментов?» и гомосексуальными соитиями на сцене, то есть компромат по полной. Всё это было нами смонтировано и постоянно предъявлялось, как аргумент.

А дальше мы стали давить на власть, спрашивая, почему она финансирует такие инициативы, почему она занимается пропагандой бандеровщины и фашизма. Это был наш аргумент, с помощью которого можно было их валить и связывать власть тем, что она помогает, в том числе, этому музею. С еще большим количеством публикаций, комментариев, утверждением именно этой концепции в конце концов отношение к музею стало меняться.

В 2011 году всё правительство Пермского края участвовало в форуме «Пилорама», оно играло в футбол на полянке «Пилорама». Теперь это очень жесткий конфликт. Буквально сегодня я прочитал сообщение, что директор музея «Пермь-36» (которую недавно оповещали, что проблемы музея как-то разрешатся) приехала и увидела рабочих, которые бензопилой разрушают все эти декорации.

Когда мы вели эту политическую борьбу, у нас, в частности, тренировались навыки политической игры, то есть созданию идеологических инструментов, с помощью которых можно было бы валить противника.

Срыв форума «Пилорама» в 2012 году тоже был задуман как политическая игра. Проходила она на фоне кампании против Гельмана. Мы эту антигельмановскую

НАША ВОЙНА

кампанию тоже вели, но потом, в 2012, вдруг подключились какие-то силы из центра, которые валили Гельмана довольно туго, но используя иногда наши идеологические инструменты.

Был такой скандал, когда в 2013 году Гельман организовывал выставку против Олимпиады в Сочи. Там были довольно грязные карикатуры. Гельмана на этом фоне снимали и ругали губернатора. А как раз должен был проводиться форум «Пилорама — 2013». Мы написали обращение к губернатору, разослали его пресс-релизом по всем СМИ. Рассказали, что форум «Пилорама» — это безобразие, процитировали все высказывания из той дискуссии, которая была снята скрытой камерой. К этому фашистскому высказыванию экскурсоводши и песням из форума «Пилорама» прикрепили видеоролики. Весь этот материал опубликовало огромное число средств массовой информации, некоторые прикрепили ссылки с видеороликами. И губернатором было принято решение о том, что нужно финансирование сократить, потому что он понимал, что, скорее всего, он не выдержит еще одного наката.

Нам был подарен такой комментарий одного из центральных СМИ: если «Пилорама» состоится, то скандал с «Белыми ночами», с Гельманом будет ничто по сравнению со скандалом с «Пилорамой». Видимо, они посчитали это серьезной угрозой и сократили финансирование в два раза. И форум не состоялся.

В 2014 году власти разговаривали с администрацией губернатора, что называется в кулуарах. Они хотели еще зимой этот форум проводить, но последовательное нагнетание антибандеровской агитации, связка бандеровцы — «Пермь 36», в конце концов, привели к тому, что, начиная с января 2014 года, им отрубили свет, отрубили газ и перестали платить заработную плату. Когда они пришли жаловаться, им сказали: «Конечно, мы вам поможем, всё хорошо». Но на следующий день уволили директора. А когда я уезжал на школу, они говорили, что попали к губернатору, с губернатором договорились, и всё будет у них хорошо. Теперь я читаю, что музей «Пермь-36» бензопилой сносят. Таким образом, удалось повернуть позицию губернатора и правительства, а они дружили очень сильно.

Вот такая картина, такие результаты.

А теперь о том, что это дало нам.

Первое. Это очень сильное сплочение и мобилизация ячейки, которая находится в условиях войны, и ее профессионализация, потому что нужно делать очень много разноплановой работы: и аналитика, и визуальный контент, и написание текстов — очень много чего нужно делать. И нужно профессионализироваться в этих направлениях.

Еще, как мне кажется, очень важный эффект — отсутствие конфликтов. В нашей ячейке конфликтов нет. Я могу вспомнить, может быть, один случай за всё время существования, когда люди говорили на повышенных тонах минут пятнадцать. И больше этого никогда и не было. Наверное, потому что есть главная задача, стоящая в повестке дня, которую мы все решаем, и нет базы для конфликта.

Второе. Это известность движения. О движении «Суть времени» в Перми знают довольно широко именно по борьбе с музеем «Пермь-36», с ювенальной юстицией, с переименованием улиц. Это у всех на слуху. Но, в принципе, и на федеральном уровне о том, что срыв «Пилорамы» и форума «Пермь-36» устроил Кургинян, можно прочитать во многих публикациях.

Это обеспечило нам выход на федеральные каналы, на телеканал НТВ, на наши местные каналы (время от времени приглашают выступать по каким-то важным вопросам).

Третье. Это высвечивание — через политическую войну — политической картины, фигур, группировок, которые стоят

на позициях, противоположных нашим, или позициях, которые с нами сходятся. Какие-то их взаимные увязки, их генезис необходимо изучать для того, чтобы эффективно с ними бороться или, быть может, эффективно с ними сотрудничать.

Четвертое. Это выстраивание взаимоотношений с представителями элиты. Потому что есть группы, которым нравятся те мысли, которые мы высказываем. Они выходят

на нас. Ищем какие-то точки сопряжения. Ну, например, на нас выходили, скажем, представители МВД, ЦПЭ (центра противодействия экстремизму), ФСБ. Приходили к нам, говорили, что выказывают восхищение нашей деятельностью и хотели бы, чтобы она была еще более эффективна. Во многом это может быть связано с тем, что когда мы работали по теме «Пермь-36», то фактически защищали бывших сотрудников

колонии — они же все работали в МВД, а многие работали в КГБ. Мы, по сути, защищали их стариков. Я думаю, что дело и в этом тоже. Мы боролись и с оранжевыми проявлениями. Но вот эта линия, что мы защищаем, в том числе, и их честь — мне кажется, это сыграла свою роль.

Пятое. Это развитие публицистического направления. Когда мы воевали с «Пермью-36», у нас с определенного момента кончились те интервью, которые мы набрали, а они принесли огромную популярность нашему сайту. Там было до 10 тысяч просмотров в день. Хорошо, мы его раскрутили, несколько месяцев была такая серьезная раскрутка, но потом тексты кончились, и мы решили, что можно эту тему продолжать. Как ее можно продолжить? Начать какие-то новые тексты писать. Договорились о том, что будем писать сами. У нас 7–8 человек, которые в принципе могут писать, хотя особо не писали до этого. Решили, что распределимся, и каждый день один из нас будет выдавать статью. Получается, что раз в неделю человек выдает статью, а каждый день на сайте статья новая. Месяца 2–3 мы так держались, а потом поняли, что есть еще огромное пространство, которое не читает наш интернет. Тогда мы зарегистрировали собственную восьмиполосную газету, первая и последняя страница — цветные.

Наша газета выходит тиражом 4,5 тысячи экземпляров. Ее очень любят Советы ветеранов. Тысяча экземпляров расходуется по Советам ветеранов. Это дало еще один контакт, сделало еще один выход для борьбы. Потому что, когда мы, скажем, боролись с переименованием улиц, просто можно было попросить у Совета ветеранов написать письмо. А потом телевидение сообщало, что Совет ветеранов выступил против переименования улиц. То есть через газету мы установили дружественный контакт с Советами ветеранов, они очень полюбили нашу газету. Теперь ждут каждый месяц, требуют. А потом они стали просить читать для них лекции: политинформация, ситуация на Украине, ситуация с переименованием улиц, что-нибудь еще. И мы выходим в Советах ветеранов районов на аудиториях в пятьдесят человек и с какой-нибудь темой выступаем.

Еще один ресурс, который мы начали создавать, это интернет-телевидение. Для того, чтобы доносить информацию по музею «Пермь-36» и по всем другим проблемам, нужно было иметь возможность оперативно записывать выступления. Оформили студию, выставили свет, научились с камерами работать, писать звук. У нас клуб «Молотов» (может быть, вы смотрели какие-то видеозаписи). Начинать мы в этом клубе с лекций. Один из наших ведущих интеллектуалов — Илья Роготнев. Может быть, вы смотрели лекции по постмодернизму, хилизму и другие лекции. Клуб «Молотов» мы задумали как площадку, где можно было бы о чем-то рассказать, что-то можно было бы записать, а также была идея — сделать пермский аналог клуба «Содержательное единство», который есть в Москве у Сергея Ервандовича Кургиняна, для того, чтобы можно было приглашать представителей элиты, их выслушивать и им рассказывать, делать им свои доклады. Но последние два заседания клуба «Молотов» у нас были закрытые именно потому, что к нам пришли представители элиты, которые сами изъявили готовность прочитать нам лекцию, в том числе, по их деятельности. Одни сами пришли, других мы позвали. Сейчас мы с ними хотим дальше таким же образом работать.

Главная идея моего выступления — через войну появляется огромное количество возможностей, огромное количество ресурсов и снимается огромное количество проблем в работе политической организации.

Павел Гурьянов, Пермь

НАША ВОЙНА

Краснознаменная группа

История наша длится уже довольно давно, полтора года. Многие уже об этом и читали, и слышали, и видео видели. Сначала я немного расскажу о том, как это происходило у нас. О том, что в итоге мы имеем на данный момент и для ячейки, и в плане восстановления Краснознаменной группы. А потом коснусь темы, почему, собственно, мы за всё это взялись.

Памятник, который вы видите на фотографии, — это Краснознаменная группа. Он был установлен в Екатеринбурге (в то время — Свердловске) в 1974 году. На нем закреплен орден Ленина, которым наградили город за вклад в разгром фашизма, за трудовые и научные заслуги. И памятник такой вот, авангардный, в принципе, ни на что не похожий из тех, которые стоят в других городах. Это — четырехсторонняя стела.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 16 ноября 1973 года город Свердловск награжден орденом Ленина. Собственно, эта награда и увековечена в стеле такой вот интересной конструкции, которую делал Институт технической эстетики, много авторов, инженеры завода имени Калинина (ЗИКа). Это коллективная работа, которая велась целый год на ветеранские деньги. Кстати, всю историю — как памятник создавался, как памятник проектировался, что это вообще такое — раскопали мы. Потому что сначала был огромный шум в СМИ: «Как — сломали? Зачем? Почему?». Но никто даже не знал, за что награжден город, что за памятник, кто его проектировал. Вообще никакой информации нигде не было.

И мы стали искать информацию сами. Нашли авторов — они живы. Поговорили

с ЗИКовцами. Выяснили, из какого материала был сделан памятник, и прочие параметры. И вот пока мы всё это выясняли, памятник постепенно становился чем-то нашим, чем-то дорогим нам, потому что он как бы из небытия вырастал в наших умах и сердцах. Мы начали понимать, что это такое, с каким трудом это было связано, что это — не красная железка, это — памятник, который имеет очень глубокий и интересный смысл.

Он стоял в самом центре города, на плотине городского пруда. Самый центр, самое сердце, место, с которого начинался город. Уральские города все начинались с заводов. Заводы в то время, в XVIII веке, начинались с плотин. Плотина — сердце города. И вот на этом месте встал такой вот красный цветок, костер, который привлекал внимание и был достаточно гармоничным. И так он простоял без изменений до 2009 года.

А в 2009 году сняли орден Ленина — вроде как для реставрации. Был большой скандал, но «Сути времени» тогда еще не существовало. И так, в 2009 году орден сняли для реставрации, всё это затянулось, и орден был якобы утерян. На самом деле он лежит на складах до сих пор, и его копию установили на вокзале, почему-то на шпале Свердловла. Есть барельеф Свердловла, он сейчас похож на надгробный памятник, и непонятно, что там делает орден Ленина, причем тут Свердлов? Он ведь не имеет отношения к конкретно данному ордену.

И вот в таком виде памятник простоял до 2013 года, когда в ночь с 25 на 26 января 2013 года снесли уже саму Краснознаменную группу. И тут же на ее месте стали устанавливать олимпийские часы

(по многим городам нашей страны устанавливали такие таймеры с обратным отсчетом, больше похожие на какие-то рекламные баннеры с логотипом «Омеги», что-то такое пластмассовое и странное). Шпиди сначала выкинули на свалку. Это вызвало волну общественного негодования. Причем начали, естественно, ветераны, пенсионеры, организация «Дети войны». А дальше произошло нечто достаточно удивительное. Потому что все — и люди либеральных взглядов, и православные, и те, кого никогда не заподозришь в симпатиях к Советскому Союзу, — как-то вот все высказались в пользу того, что, во-первых, это свинство. Так делать нельзя. Ночью, как воры, взяли и разрушили памятник. И, во-вторых, это действительно орден, заслуженный городом, памятник, заслуженный городом.

И началась борьба за его восстановление. Когда эта первая волна схлынула (в ней мы не успели поучаствовать), мы начали разбираться в ситуации, и первым нашим действием стал опрос общественного мнения. Мы хотели выяснить, как реально граждане относятся к тому, что произошло. Опрос проводили два месяца, выходили на пикеты в снег и в дождь (дело было весной). В итоге выяснили, что действительно большинство жителей города не одобряют демонтаж памятника и более 70% выступают за его возвращение.

Вот тогда мы, собственно, и начали уже политически бороться за памятник. Мы знали среду, с которой имеем дело. Мы знали, что граждане нас поддерживают. Нужно было придумать, что конкретно сделать. Думали-думали, думали-думали, и вот как раз получилось, что после приезда с прошлой школы, как раз

под выборы мэра города, мы начали наши действия. Начали раскручивать результаты социологического опроса: сначала — пресс-конференция, потом общественные слушания. То есть несколько раз зарядили такие вот информационные снаряды. Расчет был на то, что информационный взрыв будет достаточно мощным. Он и был мощным, однако нам не удалось привлечь на общественные слушания ни одного из кандидатов в мэры города. Если бы кто-то туда пришел и высказался, а потом стал мэром, — это был бы совсем другой результат. Возможно, это была бы быстрая победа. Но кандидаты в мэры на слушания не пришли. И мы оказались перед ситуацией, когда моментального выигрыша нет.

Всё было задумано (и сделано) следующим образом: мы быстро выдаем во все СМИ материал, резко бомбим статьями, упирая на историческое и культурное значение памятника, выступаем на пресс-конференции, собираем людей на общественные слушания, даем интервью, всё это вот так вот гремит, СМИ возбуждаются (а всем СМИ нужен скандал — выборы идут, это может повлиять на результаты выборов, то есть пойти на пользу какому-то кандидату или, наоборот, против какого-то)... И вот на этой разогретой почве мы хотели добиться результата — возвращения памятника.

Сразу не получилось. Но, собственно говоря, мы не стали отчаиваться. Стало понятно, что теперь придется биться долго, и мы начали проводить наши пикеты. Пикеты, пикеты, пикеты, пикеты — причем с заточкой на то, что из этого выйдет большой митинг. Но пикеты проводить каждый раз одинаковые — это, во-первых, самим неинтересно. Во-вторых, это неинтересно

НАША ВОЙНА

СМИ. Ну и для горожан это неинтересно. У нас в городе в течение наверное уже двух десятков лет каждую субботу к памятнику Ленину выходит РКРП, несколько стариков, и начинают говорить про проклятых капиталистов, про то, как всё ужасно, хаять мэрию, хаять губернатора, но при этом ничего не меняется. Это как элемент пейзажа. А каждое воскресенье у того же памятника Ленину уже на протяжении, по-моему, трех лет выходит с молебном группа православных граждан, которые хотят на этом месте восстановить храм. И они тоже уже рассматриваются как некий элемент пейзажа. Одни кричат про капиталистов, другие — молятся, и никакое это не политическое явление, это просто «городские сумасшедшие». Чтобы не превратиться в «элемент пейзажа» или «городских сумасшедших», мы проводя еженедельные мероприятия, каждую неделю вводили что-то новое.

Что такое, в принципе, пикет? Пикет — это организация пространства улицы. Вы приходите и не просто стоите где-то в углу (а к вам подходят или не подходят, издали на вас смотрят, опасливо). Вы захватываете улицу. Идет улица, нужно выставить несколько эшелонов людей с листовками на подходе, с листовками и с газетами. Как идет обычный человек? Он заткнул уши плеером, он идет с работы, ему абсолютно ничего уже не нужно. Он хочет быстрее добраться домой. Он быстро-быстро-быстро перебегает, лишь бы ни с кем не столкнуться, добраться до дивана или там до компьютера, до семьи — вот так вот он пробегает. Тут ему дают в руку листовку. Дальше следующий кто-то с ним заговаривает — он достает наушники из уха. К ним подходит еще один человек и говорит: «А вы знаете, вот здесь стоял памятник». И человек впервые за много месяцев поднимает голову: «Блин, здесь стоял памятник... Я всю жизнь мимо проходил... С детства его помню... А когда его снесли?»

Это реальная история. Люди каждый день проходят мимо этого места, глядя в землю. А мы, выстроив несколько эшелонов как бы «будильников» с листовками, газетами, — мы их выхватываем. И получалось в общем-то замечательно — многие давали интервью, многие оставляли свои подписи. Где-то порядка двух тысяч человек оставили свои контактные данные, чтобы мы приглашали их на свои акции и митинги.

Мы соединили сбор подписей со сбором контактных данных. Подписи ведь должны передаваться, а передавать-то — кому? Администрации города это не интересно. Мы решили сделать так: люди оставляют свои контактные данные, свою подпись, и каждому мы говорим, что обязательно ему позвоним или напишем письмо — приходите, давайте вместе участвовать в наших акциях. И очень многие действительно откликнулись. Во время акций было собрано очень много интервью, в которых люди выражали свое отношение к сносу памятника. Мы из этих интервью сделали ролик.

Таким образом, у нас появился визуальный контент. А еще мы стали писать статьи в большом количестве. Об этом говорил, освещая работу пермской ячейки, Павел Гурьянов, у нас произошло то же самое. Оказалось, что люди умеют писать, оказалось, что люди могут научиться вести видеосъемку и монтировать ролики, фотографировать. Хотя и не было достигнуто быстрой победы, такая вот длительная, длительная, длительная борьба дала нам многое. Мне наш ролик очень нравится. Может, он немного сентиментальный, но в общем-то отражает и наше отношение к памятнику, и отношение большинства жителей города. Действительно, простые люди, которых ты остановил на улице, начинают говорить такие слова, от которых в душе теплеет. Понимаешь, что ты не зря бьешься. И после этого бьешься с удвоенной силой.

Этот ролик фактически был призывом на митинг. А до этого была еще сделана газета, и статьи в интернете, и пресс-конференция опять-таки, где мы заранее и задолго всем сказали: ждите — будет митинг. Собственно говоря, мы таким образом общались и к мэрии: не хотите разговаривать с нами, отпинываете наши решения — ждите, чтобы свое негодование выразил народ. Демонстрировали, опять же, результаты опроса... Работать с журналистами, работать на пресс-конференциях — это вообще отдельное дело. Мы эту деятельность тоже почти с нуля осваивали. Это сейчас «Суть времени» в Екатеринбурге стала известной.

Анонс митинга удалось разместить в главной городской бесплатной газете. Вышла большая статья по результатам пресс-конференции. Тираж — 320 тысяч экземпляров. 4,5 тысячи листовок было роздано адресно рабочим Завода имени Калинина. Огромная работа была проделана в интернете. Мы собрали там две тысячи контактов и до каждого дозвонились. Однако в результате на митинг пришло только 350 человек. То есть охват аудитории был очень большим, а процент пришедших — маленьким. Но всё равно он сыграл свою роль. И мы продолжаем работу.

Можно, я немного похвастаюсь? В Екатеринбурге за прошедшие два года было только две медийные кампании, которые длились так долго и с таким накалом. Первая — это наша кампания по восстановлению Краснознаменной группы, и там действительно временами накал был очень яростным, по двадцать публикаций в СМИ. Вторая — это всё, что связано с Ройзманом: сначала скандалы с Пановой, потом — Ройзман, потом — выборы, потом Ройзман опять оскандалился... Так вот, Ройзман судился, а мы продолжаем работать.

Сергей Кургиян:

Вы говорите, что охват аудитории был большим, а процент пришедших на митинг — маленьким? А почему так

происходит? Потому что вы, в некотором смысле, работаете над отчуждением человека. Любая ваша агитация — отчуждена. Есть листовка, но на ней нет вас. На ней нет «шума и ярости» вашего личного присутствия, понимаете? Человек не придет, если вы, грубо говоря, не пробудите его, если он от вас не «заведется». Он не придет на знак, он придет на содействие. Известно, что кино и театр работают по-разному: театр — это когда я прямо вот здесь говорю, и зритель со мной рядом. А кино — это актер на экране, и зритель не может, образно говоря, дотронуться до него рукой. Это совершенно разные вещи.

Человек никуда не хочет идти, он подавлен, он спит. Вы должны пробудить его лично. Он должен понимать, что некое послание адресовано лично ему. Это не то же самое, когда человек читает в листовке: «Товарищ, приходи!» Когда ситуация совсем горячая, процент откликающихся на листовки — выше. А чем ситуация холоднее, тем процент ниже. Это закономерность.

Вопрос в том, сколько людей вы реально электрически зарядили и надолго ли остался этот заряд. Всё остальное (а вы мне поверьте, я не последний человек в этой профессии) — не работает. Вот человек читает вашу газету. Всё больше читает и что-то с себя стряхивает, стряхивает. И постепенно выходит из состояния, которое называется «сон на бегу». Это когда ты вроде бежишь, но ты во сне, ты всё время недовключен, жизнь проходит мимо, каждая минута ее — она не наполнена настоящим временем. В теории это называется хронос и кайрос. Время сна — хронос — это обычное время, которое уничтожает человека: человек стареет. А есть другое время — кайрос. Это время, которое оживает, молодеет, создает новые энергетические возможности.

Но вы не можете до конца через газету человека включить. Потому что, когда человек читает газету, — вы (те, кто эту газету создал) работаете с ним в режиме

эмпатии, разума, рефлекса, но не содействия. А вы должны-то работать именно с человеком! И окончательная работа — только работа с человеком. А человек — он что делает? Он вас «считает», он смотрит — уверены вы в себе, не уверены...

У меня была собака — волкодав среднеазиатский. Его принесли к нам в дом маленьким щенком, и он оказался таким альфа-самцом. И пытался сначала всех грызть — руки кусать и так далее. Мне тогда кинолог очень кстати сказала одну важную фразу: «Запомните: собака улавливает молекулу вашего страха. Молекулу!».

Запомните: люди, с которыми вы разговариваете, улавливают молекулу вашей неуверенности, неуверенности, — так же, как собаки улавливают молекулу вашего страха. И если вы для людей неубедительны — они не придут. Прийти — это невероятный подвиг, понимаете? Это надо встать, одеться, куда-то потащиться... Страшно — снимают на фотоаппараты и видеокамеры... Мало ли куда попадет твоё фото? Прийти на митинг — это гигантский подвиг. Это не листовку взять.

Почему Вы считаете, что 350 человек, которых вам удалось собрать, — это мало? Это очень много. Но для того, чтобы пришли не 350, а 3500, десять человек должны привести по 35. Но они же не могут их просто так привести. Они должны где-то выступать, они должны кого-то затягивать, чем-то заражать, они должны что-то объяснить, иначе ничего не будет.

Большевики не просто печатали газету «Искра» и распространяли ее для прочтения. Они через газету «Искра» всё время работали с активом. Актив газету читал, и у него от этого чтения «кипел разум возмущенный» («кипит наш разум возмущенный»). Когда денкинцы или врангелевцы подходили к городу, то партийная ячейка собиралась, читала лекцию о международном положении, все спрашивали, что с Карлом Либкнехтом, когда Германия восстанет, после чего говорили: «Значит, так. Ты идешь на этот завод, ты — на этот, ты — в военную часть». И они шли и подымали людей. Казалось бы — ну и подымали. Ну приходили туда, и всё. Но ведь на этих заводах всё не так было — или ты поведешь их за собой, или тебя порвут на части.

И это и есть не бояться людей. Сначала не бояться, а потом иметь способность их вести. Это главное свойство политика. Всё остальное — не политика: политолог, пропаганда и что-нибудь еще. А в живой политике самое интересное — это люди. Работа с людьми. Понимаете? Сначала — с отдельными людьми, и только потом уже с массами. Выступление на митинге на сто пятьдесят тысяч человек — это определенное жизненное испытание.

Вы замечательно работаете. Памятник, который вы отстаиваете, мне очень нравится, он очень хороший. Вы сделали главное — вы создали войну. Организовали ее системно. И создали резонанс — у вас индекс узнаваемости формируется. Если вы будете сидеть тихо и не будет никакой активности, кто о вас узнает?

То, что вы боретесь, то, что вы осваиваете системную деятельность, — это одна половина деятельности ячейки. Люди растут. Они начинают системно действовать. Замечательно.

Но есть вторая половина — смыслы. Не будет смыслов — люди через какое-то время выгорят. Произойдет это выгорание.

Нужны обе половины, обе компоненты. Первичная организация, которая сумеет обе эти компоненты удерживать, есть боевой отряд партии и ее краеугольный камень. Не будет первичных организаций — не будет ничего.

Артем Брусницын,
Екатеринбург

НАША ВОЙНА

Наша культурная политика

Мы всегда восхищались работой пермяков: мы считаем, что война, которую они ведут, накал этой борьбы — всё это жизненно необходимо для того, чтобы и наша общая борьба жила.

Но в каждом городе есть свои особенности. В Красноярске, в принципе, нет ярких, явно выраженных врагов — ни в культурной сфере, ни в социальной. Все национал-уменьшительные структуры также подавлены органами власти. Власть наша — в целом, либерального толка — является либерально-консервативной, и ведет себя вполне спокойно и в меру осторожно. Народ в Красноярске находится в некоем забытии, в «спящем режиме». В городе сформирован так называемый «золотой резерв молодежи» и другие провластные структуры, занимающиеся лишь подобием гражданской деятельности, а по сути, являющиеся симулякрами. В эти структуры может вступить любой студент — и плыть далее в провластном безынициативном соглашательском потоке. Всем остальным социально ориентированным общественным организациям, действующим по велению сердца, а не личных интересов, в Красноярске уготована участь оставаться маргинальными.

Исходя из этого, мы решили, что главная наша задача — вести не агрессивную борьбу (раз цели неконкретны), а заниматься конструктивной, творческой гражданской деятельностью — созидать что-то новое, полезное для общества, что-то, что могло бы изменить нашу несправедливую действительность.

Если говорить о сфере современной культуры, то у нас в Красноярске есть так называемый Культурно-исторический центр. Этот красноярский музей начал свое существование в 1987 году как один из последних филиалов Центрального музея им. Ленина и полностью называется Культурно-исторический центр им. Ленина (там даже сохранилась постоянная экспозиция, посвященная Коммунистической партии и Владимиру Ильичу — она расположена на втором этаже музея).

В чем там основная загвоздка? В том, что директор музея и вся его команда — убежденные постмодернисты. И практически всё, что происходит в музее, — вульгарный постмодерн плюс культура нисхождения и расчеловечивания. Большинство выставок и материалов, которые они готовят, — просто формы, лишённые содержания, преподносимые в качестве чего-то «сверхсовременного». Современное искусство (contemporary art), воплощаемое в этом музее, — мало того, что бессмысленное и пустое, оно банально бездарное.

Борьба, как таковая, с данным музеем бесперспективна, ведь в городе нет других музеев современного искусства, которые могли бы предложить свою художественную альтернативу. Когда на музей начинает оказывать давление общественная критика, его защитники лишь разводят руками: «Зачем же вы последний зачаток современного искусства в городе уничтожаете? Сделайте что-то свое, тогда и можно будет о чем-то разговаривать!».

Вот это самое «свое» всегда было центральным для нас. Нужно оформлять свою

культурную политику, создавать свои культурные продукты, приносить свои творческие плоды. Но мы прекрасно понимали, что ничего нового не рождается без «огня», без музыки, которая бы вдохновляла. А в культурной сфере, — сфере современного искусства города Красноярска, никакого огня нет и в помине.

Толчком к созданию вот этого «своего» стал приезд в Красноярск известного галериста Марата Гельмана. Вернее, Гельман лишь собирался приехать, но, в итоге, так и не посетил наш славный город. И вот почему.

Визит Гельмана планировался в связи с открытием его скандальной выставки «Родина». Это всем известная антипатриотическая, подрывная экспозиция, атакующая национальные, государственные ценности. К сожалению, у нас было лишь две недели до открытия выставки, чтобы организовать сопротивление ее проведению. Мы изучили опыт Краснодара, контактировали с пермяками. Но, в итоге, всё же решили, что раскачивать общество — не наш метод. Потому что Гельман — он же кто? Он, прежде всего, пиарщик. Ему выгоден любой скандал, связанный с его персоной и его выставкой, с работами, которые он экспонирует.

Наши казаки, с которыми мы плотно сотрудничаем, собирались прийти на открытие выставки и взять ее в кольцо или устроить пикет и не пустить Гельмана в город. Мы понимали, что если будем работать в том же ключе, то подарим Гельману дополнительный PR-капитал, которого, собственно, он и ждет.

Осмыслив подобным образом ситуацию, мы пошли несколько иным путем. Ячейка подготовила письмо, в котором были описаны лишь несколько картин с выставки, — картин злостных, разрушающих традиционные русские смыслы, наносящих хитрые и подлые удары по нашей общей вере, бьющих по нашим культурным героям и по самому понятию Родины. Мы попросили подписать данное письмо ряд известных и уважаемых горожан Красноярска — творческую и политическую элиту города. Обращение подписали и главный архитектор, и ректор педагогического университета, и другие, не менее представительные персоны. Данное письмо было направлено

губернатору и министру культуры Красноярского края.

Вот тут как раз и сыграла свою роль та особенность Красноярска, о которой говорилось выше: наличие сконструированного властью некоего подобия гражданского общества. Были созданы все необходимые законодательные нормы, чтобы данное гражданское общество существовало. Правда, наличествующее «гражданское общество» — это, по сути, организации, которые существуют лишь благодаря поддержке властей и потому не заинтересованы в реальных переменах жизни, они готовы только подстраиваться. Поэтому, даже при самой скромной нашей активности, власть, дабы не допустить скандала, идет на определенные уступки. Ей не нужно никаких конфликтов и «разборок» в ее «тихом и спокойном королевстве».

То же произошло и в данной ситуации. Наше письмо послужило поводом к проведению трехсторонней закрытой встречи (в самом музее): с нашим участием, с участием министра культуры Красноярского края и директором музея М. Шубским. Мы дискутировали, разъясняя свою позицию, и... нас услышали. В результате — несколько самых одиозных, самых оскорбительных работ были изъяты из экспозиции (при том, что выставка, в целом, была сохранена). Помимо этого, ей сменили название — претенциозное «Родина» трансформировалось в нейтральное «Неизвестная страна художников».

сообщества, поэтому и наше предложение, и положительный ответ власти как бы «повисли в воздухе».

Уже после того, как произошли страшные события на Украине, мы увидели следующее: тяжелый груз этих событий, весь этот год — жестокий и очень страшный — повлиял на сознание наших людей, на их мобилизацию, они стали бороться. И одним из видов такой борьбы стало именно творчество.

По всей стране члены движения «Суть Времени» начали писать стихи. Мы — красноярская ячейка — эти стихи собрали и издали брошюру. Она называется «Об Украине для Украины». В ней издали стихи как членов «Сути времени», так и подписчиков нашей газеты.

Мы сделали максимально простой черно-белый дизайн. А это значит, что печать брошюры очень дешевая. Она могла бы просто остаться, что само по себе очень мощно, лишь сборником стихов. Но мы сделали так, что на последней странице можно добавлять любой мобилизационный и агитационный текст. Сейчас там добавлен текст с призывом к присоединению на сайт vognebroda.net.

Когда мы организовывали в Красноярске митинг в поддержку Юго-Востока, мы поместили на этой странице призыв идти на митинг, а брошюру раздавали людям. После мероприятий мы спрашивали о реакции людей (наши пикеты каждый день стояли в одном и том же месте), и, как оказывалось, люди, которым уже давали раньше эти брошюры, высказывались очень положительно о ее содержании, о ее смыслах. Говорили, что это очень нужное дело. На митинг пришло около 300 человек. Были ли там те, кто читал брошюру, не могу сказать. Но, в целом, это очень хороший агитационный материал, и, в совсем недалеком будущем, мы собираемся сверстать вторую часть.

В ходе подготовки брошюры мы увидели, что в «Сути времени» очень много творческих людей, способных создавать зрелые культурные продукты. Поэтому я сейчас выступлю с обращением. У нас есть идея, и мы под нее создаем рабочую группу. Мы хотим 9-го мая следующего года, в день 70-летия Победы, в нашем Культурно-историческом центре сделать большую, грандиозную выставку. Эта выставка будет посвящена нашей победе в Великой Отечественной войне, победе советского народа, прежде всего. Мы хотим сделать ее кардинально отличной от выставок, которые обычно проходят в КИЦе. Мы хотим наполнить ее смыслами. Мы хотим сделать выставку-мистерию. Пять этажей этого музея будут как пять лет войны.

Но нам нужна поддержка всей «Сути времени», особенно тех людей и тех ячеек, которые находятся в городах-героях. Нам нужно много материалов о войне! И я прошу людей, которым интересно участвовать в этой выставке, в ее формировании, в наполнении материалами, подходить ко мне, чтобы обменяться контактами. Ведь Ленинская школа — это та площадка, на которой мы можем не только заявить о любых наших инициативах, но и найти соратников в ее реализации.

Владимир Волошко, Красноярск